

**DOCTOR™
WHO
NOVELLAS**

TIME AND RELATIVE

KIM NEWMAN

**DOCTORTM
WHO
NOVELLAS**

Kris Norman

Justin Richards

Bryan Talbot

**ВРЕМЯ И
ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
(Дневник Сьюзен Форман)**

Ким Ньюман

Серия «TELOS Novellas»

TEL 01

2001 г.

TIME AND RELATIVE

Kim Newman

Переводчик **ssv310**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале

Выбор для новой истории времени, предшествующего началу сериала «Доктор Кто», открывает бесконечные возможности.

То, что «Время и Относительность» происходит непосредственно перед первой серией «100 тысяч лет до нашей эры» и в той же самой обстановке, свидетельствует о двух вещах. Во-первых, это говорит о силе и неизменности формата, установленного для «Доктор Кто» с самого начала. Во-вторых, это говорит о том, как хорошо Ким Ньюман ориентируется в «Доктор Кто»: вместо того, чтобы воспользоваться сложившимся форматом, он решил его расширить.

Благодаря этому Ким показывает нам глубину характера Сюэзен, её историю, которых в сериале у неё не было. Он даёт нам новое начало, используя преимущество знания последующих историй, он заполняет как те недосказанности, которые возникли после начала сериала, так и те, которые были в сериале всегда. И он это делает без отрыва от оригинальных историй, не создавая одноразовые нововведения или неуместные ссылки.

Разумеется, именно на это мы и рассчитывали. Ким Ньюман один из лучших историков кино и телевидения — он знает «Кто». А ещё он писатель, который создал «Anno

Dracula» – сохраняя форму и манеру оригинального романа Брэма Стокера, но обновляя тему и содержание. Если кто-то и мог сделать осознанную переоценку начала «Доктор Кто», то это именно Ким Ньюман.

Что может быть лучшим способом отпраздновать, чем усестись холодным зимним вечером за чтение хорошей истории о Докторе? Пускай же тёмные тени в вашем сознании удлинятся, пускай на подоконнике нарастает куча снега. Вам удобно сидится? Скоро мы этому положим конец...

Джастин Ричардс

BBC Books

Консультант по «Доктор Кто»

август 2001 г.

ВРЕМЯ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Дневник Сьюзен Форман

Среда, 27 марта, 1963 г.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Ненавижу школу Коул Хилл. Ненавижу четвёртый класс. Ненавижу Лондон. Ненавижу притворяться. Ненавижу *холод*.

Иногда я ненавижу саму себя. Особенно свой писклявый голос. Когда я слышу его на магнитофонной записи, он звучит совсем не так, как у меня в голове. На моем маленьком лице глаза не того размера и странный подбородок. Как я вообще могла думать, что сойду за местную? Просто чудо, что люди на улицах не тычут в меня пальцами, крича: «Захватчица из космоса!»

Я не ненавижу *его*. Не могу. Без дедушки я бы осталась одна. В ненавистной вселенной.

Одна! Даже писать это слово тяжело.

Когда я думаю об *одиночестве*, у меня болит голова. Когда я думаю затуманенными частями своего мозга, мысли разбегаются. Я пытаюсь тогда представить себе что-нибудь другое: пятимерные уравнения или Питера О'Тула в фильме «Лоуренс Аравийский». А в *туман* лучше не попадать.

Жан-Поль Сартр говорит, что мы все одиноки во вселенной. Интересно, имеет ли он это в виду буквально. Может быть, он *Один Из Нас*? Мы с дедушкой не единственные изгнанники (*беглецы?*).

Ай! *Не нужно* думать об этом.

Ненавидеть проще. Ненависть столько приносит в ум. Ненависть проходит насквозь туманы моего сознания.

Я ненавижу школьные правила. По средневековым законам, дети должны писать дурацкими перьевыми ручками! В школьных партах отверстия для чернильниц обляпаны синими кляксами нескольких поколений детей, и все мы должны носить чернильницы, которые в сумке постоянно разливаются, вызывая синюю или чёрную катастрофу. У них в 1963 году есть шариковые ручки – я проверяла в магазине, да и дневник я сейчас пишу именно такой ручкой. А для школьных занятий мы должны пользоваться древностью, потому что «это способствует постановке почерка». У перьевых ручек недостатков больше, чем преимуществ. Мои ногти постоянно в синих пятнах. За домашнее задание мне всегда снижают отметки из-за клякс.

К концу дня у меня есть пятна чернил даже на щёках. Джон Марсианин называет их «дуэльными шрамами». Он общепризнанный чудик, так что я не обращаю внимания. Да и сам он тоже в чернилах.

Я сказала мистеру Грейнджу, нашему классному руководителю, что ручки выйдут из обращения. Все будут мысленно диктовать в машины, которые будут записывать наши слова: поправлять грамматику, идеально переводить на

другие языки, записывать то, что мы имели в виду, а не то, что мы сказали. Он назвал меня «матушкой Шиптон»¹, и весь 4-Г засмеялся.

Но я права. Я знаю.

Мне нужно держать рот на замке. Людям не нравится, когда им сообщают о том, что будет дальше. У них от этого дискомфорт. Не верите – спросите у Кассандры. Она видела будущее, и за это её забили до смерти.

Я ненавижу спаренный урок географии в пятницу утром, и «Игры» в обед (разновидности гладиаторских поединков под названиями «нетбол» и «хоккей»). Я ненавижу школьников.

А особенно ненавижу Ф. М.! Он опасный хулиган, хуже, чем парни в кожанках, которые в «Помпу» ходят. Весь смысл его жизни состоит в том, чтобы сделать жизни своих одноклассников мучением. У него есть банда.

Мы в 1963-ем году уже, наверное, пять месяцев. Такое ощущение, что пять месяцев. Но когда бы мы ни останавливались, *всегда* кажется, что пять месяцев. Вам может показаться невозможным провести пять месяцев в 1963 году, если сейчас всего лишь март, но это лишь доказывает насколько вы ограничены хронологической системой упорядоченного времени.

¹ Урсула Саутейл (англ. Ursula Southeil, возможно Урсула Сонтхил) (1488—1561), более известная как Матушка Шиптон, была английской предсказательницей и ясновидящей.

– Последовательность, ха! – сказал дедушка вчера или через день. – Её не существует, детка. Разве что в умах дурачки буквальных существ типа односердечников, проживающих на этой планете. Если будешь пытаться в ней разобраться, только запутаешься. Делай, что нужно, а потом уже думай о том, сможет ли кто-то тебя вписать в свою абсолютно необоснованную идею о последовательном течении событий. Без противоречий нас было бы очень просто выследить. Ты никогда об этом не думала? Для нас важно не быть излишне последовательными.

Дедушка имеет в виду, что он постоянно что-то делает с Будкой, и за временем уследить невозможно. Это одна из причин, почему я начала писать дневник. Я уже сейчас вижу, что писать дни по порядку будет огромной проблемой. Наверно, я заброшу это дело. Дедушка говорит, что я бросаю всё, что сложно, и фыркает о моём поколении. Можно подумать, что сотни лет назад подростки были просто ангелами и умницами, с жадностью поглощавшими мудрость старших. Сотни лет назад и в альтернативной вселенной – может быть...

Он же и сам бунтарь.

В том, что мне приходится ходить в школу, я виновата сама. Это была моя идея. Я думала, что важно «влиться»; у меня, как у Пиноккио, появилась мания «стать настоящей живой девочкой». Дедушка не пожалел времени на то, чтобы объяснить мне, что по его мнению я поступаю глупо. Подделать все записи в каталогах, документы, формы, которые были нужны для того, чтобы я поступила в школу

Коул Хилл, было непросто. Дедушка настаивает на том, чтобы я не бросала свою «детскую прихоть», иначе весь этот труд окажется напрасным. Небольшие сложности типа подделки документов всегда вызывают у него энтузиазм. Он обожает запутанные проблемы, которые бросают вызов его уму, и иногда так увлекается деталями, что забывает, зачем всё это было нужно.

Дедушка раздобыл экзаменационные вопросы для выпускников начальной школы и заставил меня отвечать на них. Я не справилась, потому что постоянно пыталась спорить с глупыми вопросами. Поэтому он отдал меня в обычную среднюю школу, а не в школу с углублённым изучением предметов, иными словами я попала в школу, где учились и мальчики, и девочки (с социальной точки зрения это, наверное, правильно, но есть и свои недостатки, например Ф. М.), где к ученикам обращаются по имени (за исключением тех моментов, когда на них кричат) и есть один объединённый предмет «Наука» вместо отдельных химии, физики, и биологии. В шестнадцать лет мы должны будем закончить наше обучение и устроиться работать. Большинство из нас ждут этого не дождутся.

Иногда я такая дура. Школа!!! Какая жалкая, бессмысленная идея! Просто Абсурд (моё слово недели). Дедушка ведь не пошёл устраиваться на работу в автобусе или секретарём адвоката, чтобы быть незаметным среди «туземного населения». Возможно, он просто хочет, чтобы я ему днём не мешала. Ведь вряд ли школа может меня действительно *научить* чему-то.

Вчера на «Науке» мы сорок минут потратили на то, чтобы выяснить, что магний горит. Откровение, которое потрясает установившиеся взгляды на природу вселенной до основания. У меня был соблазн зажечь одну из дедушкиных вечных спичек и послушать, что об этом расскажет бедный усердный мистер Честертон.

А особенно я ненавижу мистера Грейнджа. «Грозного» Грейнджа. Он наш классный руководитель, а это означает, что рано утром и во второй половине дня, когда он проводит переклички, мы в его полной власти. Я в 4-ом «Г» классе; 4 означает год, а «Г» – Грейндж. Он называет имена и ставит в таблице галочки о присутствии, словно надеясь на то, что за прошедшую ночь или во время обеда мы понесли большие потери, и он сможет провести жирную чёрную линию, вычёркивая жертву. У него из ушей растут волосы, а преподаёт он мой самый нелюбимый предмет – географию. Каждый раз, когда я называю страну названием из другого времени или неправильно называю столицу, он напевает строчку из ужасной песни, и призывает весь класс подпевать ему:

«Истамбул, не Константинополь»!

С первого же дня, когда я заняла место в его классе (на задней парте), Грозный Грейндж невлюбил меня. Не знаю чем, да и не интересно мне это, но чем-то я его вывожу из себя. Поскольку я попала в школу уже после начала учебного года, он повесил на меня ярлык отстающей, и я не могла ничего с этим поделать. Помарок он не терпит в принципе. И ему то ли вообще не нравятся девочки, то ли нравятся в том

смысле, из-за которого он когда-нибудь вляпается в проблемы.

Сегодня я забылась и Вляпалась В Проблемы.

Не в *том* смысле! Фу, нет! Ни за что!

Прошлой ночью снова выпал свежий снег, он присыпал тот смёрзшийся, который лежал уже несколько недель. На большой перемене мы слепили во дворе снеговика. Джиллиан Робертс заметила, что толпа детей из первого класса безуспешно пытается соорудить снеговика, и она подбила Джона Марсианина и меня присоединиться. Джиллиан – моя соседка по парте, она умная, но не в том смысле, который признаёт школа. Дайте ей домашнее задание по математике, и она там всё напутает, потому что для неё логарифмы это просто бессмысленные цифры в учебниках. И с английским она никогда не справляется, потому что у неё ментальный блок по части написания даже простейших слов. Но вот если Джиллиан заинтересуется сложным краткосрочным проектом, она может мигом всё организовать, назначив на выполнение задач самых умелых, стимулируя этим остальных стараться сильнее.

Когда снеговик стал выше Джона (самого высокого из нас) Джиллиан посадила девочку из первого класса, по имени Сэйди Ледерер (самую маленькую из нас), чтобы та сделала лицо. Она воткнула чёрные камешки в качестве носа и глаз. Опустив Сэйди вниз, Джиллиан воткнула по бокам головы пучки веток.

– Смотри, Лобастая, – сказала мне Джиллиан, – у него из ушей волосы торчат. Как у Грозного Грейнджа.

Мы все захихикали. Даже младшие, у которых мистер Грейндж ещё не преподавал. И это прозвище засело у меня в голове надолго. Когда во время дневной проверки он назвал моё имя, я сказала «здесь, Грозный» вместо «здесь, мистер Грейндж».

Катастрофическая ошибка! Весь 4-Г смеялся тем фальшивым смехом, которым дети смеются скорее для того, чтобы высмеять, чем потому, что им смешно. Мистер Грейндж – грозный мистер Грозный – задал мне «строки».

Мне нужно сто пятьдесят раз написать «Я буду проявлять уважение к учителям средне-образовательной школы Коул Хилл».

Сейчас я пишу в дневнике, чтобы отдохнуть от «строк».

Пора мне уже к ним вернуться.

Позже...

Когда я писала «строки», ко мне заглянул дедушка.

Увидев наполовину заполненный надписями лист бумаги, он фыркнул:

– Не вижу в этом домашнем задании смысла, Сьюзен, – сказал он. – Неужели они в эту эпоху пользуются циклически повторяющимися командами подсознанию для повышения ментальной дисциплины? Это же промывание мозгов. Это очень опасно. Ум похож на тонкий часовой механизм. Не стоит сыпать в него песок.

Я сказала ему, что это не домашняя работа, а наказание.

– А, тогда другое дело. Продолжай, осуждённая.

Дедушка никогда меня не поддерживает. Он понятия не имеет, каково ходить в школу. В прошлом месяце он сказал, что сходит на родительское собрание, но забыл. Из-за этого я на дурном счету. Он многое забывает.

Он в абсолютно другом мире. Я серьёзно.

Я не забываю ничего, просто иногда не могу вспомнить.

У меня в голове белые пятна. Когда ход моей мысли приближается к одному из туманных пятен, у меня в голове возникает резкая боль, как когда слишком быстро ешь мороженое. Если представить, что моё сознание – библиотека, то в ней есть огороженная секция для взрослых, куда мне ходить нельзя. Я знаю обыденные вещи, к примеру, когда нужно сходить в магазин за молоком, или о том, что по вторникам и четвергам нужно брать кеды для физкультуры, но за пределами этого сгущается туман.

Некоторые вопросы задавать опасно. Даже самому себе.
К примеру «Откуда мы родом?»

Сильная боль позади глаз не даёт мне думать опасные мысли, и я возвращаюсь к «строкам». Стоило отвлечься, и я сбилась со счёта. В итоге получилось сто пятьдесят три строки. Я отрезала лишнее ножницами. Грозный настолько грозен, что может дать ещё одно наказание за то, что приказ исполнен чрезмерно. Смысл «строк» в том, чтобы внушить тупую покорность. От вас не ждут вопросов.

«А почему «Константинополь» не у дел?

А это дело исключительно турок!»²

На прошлой неделе Джиллиан от злости так стукнула крышкой парты, что та отвалилась. Грозный наказал её «ремнём»: три удара по рукам перед всем классом. И было неважно, что парте досталось из-за того, что Джиллиан разозлилась на Ф.М., который ткнул ей транспортиром в попу. Она выплеснула свою злость на предмет, которому не будет больно, потому что она очень не хотела снова попасть в неприятность из-за драки. Как оказалось, она вполне могла бы дать Ф. М. в глаз – тогда она бы и за транспортир отомстила, и наказали бы её не так сильно. По школьным правилам порча школьного имущества хуже, чем сделать что-то другому ученику. Когда Ф. М. побил Малыша Титча Кричли и сломал его очки, его наказали всего лишь «строками».

Я не могу больше писать. У меня болит рука.

² Строки из песни «Истамбул – Константинополь».

Я буду проявлять уважение к учителям средне-образовательной школы Коул Хилл.

Я буду проявлять уважение. Я буду скрывать свои Истинные Чувства.

Четверг, 28 марта 1963 г.

Утреннее собрание. Вся школа воет гимны под энергичный аккомпанемент на фортепиано миссис Беллуэзер, учительницы музыки. «Тот, кто будет храбр», в котором поётся о том, каково быть странником (для меня это имеет особое значение), и «Есть зелёный холм вдали, за городской стеной», в котором поётся о Пасхе, которая скоро наступит. Потом отрывок из Библии в исполнении Лесли Кулвера, заикающегося зубрилы из пятого класса. Дополнения к школьным правилам в связи с холодной погодой в исполнении директора школы Бэзила Джеймса Кларка. Не бегать, не играть в снежки, не кататься по льду, не свистеть. Никаких исключений, никому не жаловаться.

– Jawohl, mein Führer, – пробормотал Гибсон из пятого класса.

После Собрания я сдала свои «строки», на что мистер Грейндж кивнул головой. После исполнения наказания память о преступлении должна у всех стираться, чтобы к тебе снова относились нормально. Есть способы сделать так, что кто угодно забудет, что он делал и почему, но на Земле такого нет.

Мистер Грейндж знает, как его называют школьники, но наказал за это только меня. Дети обозвали его Грозным много лет назад, задолго до того, как я попала в эту школу. Можно получить «строки» за насвистывание песни «Only the Lonely», потому что один из предыдущих 4Г придумал на эту мелодию

слова со строкой «Грозный наш Грозный». Глядя на меня, он видит несколько поколений учеников, которые не проявляли уважения.

Кто-то должен объяснить ему, что уважение нужно заслужить.

Позже...

Холод.

Я его не понимаю.

Лондон расположен в зоне относительно умеренного климата. Для Объединённого Королевства характерны короткие, мягкие зимы. Должна была уже начаться весна, но оттепели нет. Ни единой снежинки не растаяло.

Земля укрыта снегом уже несколько месяцев, ещё с декабря, толстым и слежавшимся, и почти каждую ночь был новый снегопад. На улицах и на игровых площадках этот белый ковёр за день превращается в мокрое месиво, затем замерзает, затем снова идёт снег, снова образуется месиво, снова замерзает, и так много раз. Под мягким белым снегом таятся опасные слои неровного льда. Футбольную площадку расчищают, чтобы мальчики могли по пятницам играть. Земля без травы почти такая же твёрдая, как асфальт, и в конце игры мальчики уползают в душ все в царапинах и синяках. Из-за того, что бойлер барахлит, душ на прошлой неделе был холодный, из-за чего чуть не начался бунт.

Прозрачные, острые, толстые сталактиты свисают с крыш зданий, образуя ажурные занавесы. Школьники при помощи нагретых спичкой перьев ручек пишут на льду: инициалы в сердечках (мои – ни разу), «Да здравствуют «Хотспур»³», «Девушки, берегитесь! Грязный Гёрти на свободе!». Уборщику с утра первым делом приходится идти в

³ Футбольный клуб «Tottenham Hotspur».

туалеты и разбивать лёд в унитазах. Отопление, обеспечиваемое ещё довоенными топкой и котлом, еле дышит. Тяжёлые железные радиаторы в классах весь день то трещат, то шипят, то гремят, но тепла почти не дают. Школьники собираются возле них, прижимаются к покрытому толстой краской металлу, но это не помогает.

Во дворе Формана снега намело выше моих плеч. К Будке ведёт расчищенная дорожка, её берега могут обрушиться в любой день. Если у кого-то и возникнет мысль приобрести что-нибудь на свалке (никто никогда не обращался), им придётся дожидаться конца оледенения.

Рано утром или ближе к вечеру, когда нет солнца, вдыхая холодный воздух можно почувствовать в носу и в лёгких микроскопические льдинки. Замёрзшие слёзы похожи на потёкшую тушь. Нельзя касаться железных перил голыми руками, потому что можно примёрзнуть. Говорят, что кожу тогда не отдерёшь. Просто жуткий соблазн попробовать хотя бы кончиком пальца, чтобы проверить, правда ли это.

В каждом классе есть два или три человека с гипсом. Джиллиан и Джон Марсианин замышляют незаметно толкнуть Ф. М. на перемене, надеясь, что он сломает пару костей.

Я уже писала о Френсисе Минто? Я его ненавижу!

Джон Марсианин показал мне книгу, которая ему нравится, под названием «Как быть крутым», написанную Джефффри Уильямсом и с иллюстрациями Рональда Сёрла. В этой книге есть картинка, подписанная «в каждой школе есть свой жырный кулиган». Наверное, Рональд Сёрл знаком с Ф.

М., потому что картинка «кулигана» – вылитый Френсис. С Джиллиан он, наверное, тоже знаком, потому что ошибок делает столько же, сколько и она.

На перемене Ф. М. испортил нашего снеговика.

Джиллиан надевала на голову снеговика старую фуражку и шарф, и тут явился Френсис с толпой младших мальчишек. Он начал дразнить нас «маленькими детками» и «чудиками», а затем вынул из сумки свою битую для крикета и сбил снеговика голову. Сэиди закричала, и Френсис ушёл, пока не пришёл какой-нибудь учитель. Когда появилась мисс Райт, Джон сказал ей, что девочка из первого класса поскользнулась на льду. Как бы мы ни ненавидели Ф. М., никто из нас не хотел прослыть стукачом. Мисс Райт спросила у Френсиса, зачем ему зимой бита для крикета, но сильно допрашивать его не стала. Все учителя знают, как себя ведёт Ф. М., но он к ним подлизывается и редко попадает в неприятности. Если бы в мире была справедливость, он бы получал миллион «строк» в неделю, плюс «ремень» каждый день, и «палку» перед всей школой на Собраниях по четвергам.

В обед мы с Джиллиан починили снеговика. Он стал ещё больше похож на Грозного.

Позже...

Отопление отказало. Нам пришлось сидеть в классе в пальто, шарфах, варежках, и шапках. Когда кто-нибудь говорил, изо рта шёл пар. В лаборатории мистер Честертон зажёт на полную мощность все свои горелки Бунзена. Это не помогало.

На улице во время обеденного перерыва было лучше. Небо было чистое, солнце светило ярко, но свет его был холодный. В течение дня лёд медленно тает; а затем, ночью, он снова замерзает странными, похожими на скульптуры формами.

– Папа говорит, что это всё чёртовы русские, – сказал Джон Марсианин.

Обычно он с девочками не разговаривает, кроме Джиллиан. Но мы лепили снеговика. Я прилепила к лицу куски чёрной коры, чтобы сделать улыбку, а Джиллиан с Джоном добавляли к туловищу свежий снег. Директор постановил, что школьный снеговик это хорошо, почти талисман, так что один из учителей охраняет нас от банды Френсиса. Наша работа, возможно, простоит до весны.

Если весна наступит.

– Атомные ракеты горячие, – сказала Джиллиан. – Глупости это.

– Папа говорит, что это не ракеты. Это луч заморозки, направленный на Англию. Это называется «Новосибирский проект», мы о нём недавно узнали от низкотемпературного физика-перебежчика.

– Ну и чушь ты несёшь, Марсианин, – сказала Джиллиан.

– Нет, это серьёзно, – настойчиво утверждал Джон. – Об этом даже в «Панораме»⁴ показывали. «Новосибирский Проект» действительно существует. Это уже даже в Кремле признают. Они говорят, что это связано с управлением климатом, чтобы превратить степи в сельскохозяйственные угодья. Если бы ты не прогуляла географию, ты бы тоже знала.

– Тогда почему холодно здесь? – спросила я. – Они что, забрали английскую весну в Сибирь, а свою зиму сюда перевезли?

– Что-то в таком роде. Хрущёв пытается досадить Кеннеди. Ему нужно показать, что он сильный лидер, чтобы не случился военный переворот. Генералам не понравилось, что он отступил в Кубе. Военный переворот – это когда к власти приходит армия. У нас их не бывает, хотя папа говорит, что это была бы неплохая идея, раз уж эти парламентарии даже ботинки себе зашнуровать не могут, не вызвав армию.

Папа Джона – военный. Со слов Джона можно подумать, что капитан Брент в курсе всех секретов, которые скрывают от Премьер-министра. Он отдал Джона в СПОР (кажется, это означает «Служба Подготовки Офицеров Резерва»), поэтому Джону приходится оставаться после школы по понедельникам и средам. Там он марширует по плацу и что-то полирует, чтобы быть офицером, если его когда-нибудь

⁴ Телевизионная программа международных новостей.

возьмут в армию. У меня сложилось впечатление, что у Джона плохие отношения с армейской дисциплиной. Его мозги устроены иначе, да и ноги не созданы для хождения строем. Он скорее будет разработчиком бомб, чем тем, кто их сбрасывает.

– Как могли русские направить на Англию замораживающий луч? – спросила я у Джона. – Земля не плоская, их луч ушёл бы в космос. Луч не ракета, по параболе не пойдёт.

Джон странно на меня посмотрел.

– От «Спутника», Лобастая, – сказал он с уверенностью и превосходством.

– «Спутник» – это небольшой шар, – сказала я и показала размер руками.

– Зеркальный шар, как в танцзале «Palais». Русские направляют на него луч, и он отражается на нас.

Я была вынуждена признать, что в принципе это возможно, хотя и маловероятно. Я видела, что Джона впечатлило то, что я знаю размер «Спутника».

– Слушай её внимательно, Марсианин, – сказала Джиллиан, странно на меня посмотрев.

Как обычно, лучше бы я молчала. Джиллиан не такая, как Грозный или как большинство детей. Она внимательно слушает то, что говорят люди, а потом думает над тем, что это значит. В основном она думает о том, насколько большую опасность представляют для неё люди. Джон, ясное дело, безобиден.

Она рассуждает, опасна ли я.

Позже...

«Марсианином» Джона начала называть Джиллиан. Она говорит, что он похож на Мекона, врага пилота Дэна из комикса «Орёл», и этим злит Джона, потому что Мекон, оказывается, с Венеры. Когда Джиллиан говорит «Какая разница», Джон выдаёт ей лекцию о Солнечной Системе и о взаимном расположении Венеры, Земли, и Марса. Джиллиан думала, что Плутон это собака из мультфильма, и громко смеётся каждый раз, когда упоминается Уран.

Джон расстраивается, когда Джиллиан притворяется дурой, чтобы скрыть своё невежество. Она не виновата, что выросла в доме, где не было ни нормальных книг, ни нормальных газет, а телевизор всегда включён на канале с рекламой.

Джиллиан называет меня «Лобастая». Когда она назвала меня так первый раз, я дома несколько часов рассматривала себя в зеркало, по-разному расчёсывая чёлку. Наконец я поняла, что Джиллиан шутит над моей фамилией⁵, а не над лицом. В моём лбе нет ничего необычного.

Я живу под именем Форман как Винни-Пух жил под именем. «Форман» написано на воротах двора со свалкой. Я не знаю, откуда оно взялось, и пользуюсь им лишь потому, что бабушке понадобилась фамилия для поддельных документов для школы.

⁵ «Фамилия» Foreman немного созвучна со словом forehead, «лоб».

Если задуматься, то забавно, что одноклассники считают, что это Джон из космоса. Он ходит в толстых очках, которые он дорабатывает – при помощи розового целлофана делает их солнцезащитными (они же пресловутые «розовые очки»), или приделывает к дужкам два маленьких фонарика, чтобы видеть в темноте. По всем предметам он либо второй сверху, либо второй с конца.

В отличие от меня.

Я лучшая по математике и естественным наукам и худшая во всём остальном, хотя была лучшей во время одной контрольной по истории, когда проходили Италию эпохи Возрождения. В географии я безнадёжна, я постоянно забываю, как в этом году называются страны и столицы (*«даже Нью-Йорк когда-то был Новым Амстердамом... почему его переименовали – не знаю... просто людям так больше нравилось»⁶*). Мадемуазель Келу говорит, что мой французский звучит как средневековый (я половину слов с латынью путаю). В нетбол играть меня берут только тогда, когда Джиллиан капитан. Мой английский, как вы, читатель, наверное, заметили, абы какой. При написании сочинений мне нужно сильно концентрироваться, чтобы не писать всё так, как оно звучит, что очень похоже на смесь Рональда Сёрла и Джиллиан. Писать в дневнике почему-то легче. Может быть, это потому, что тут я пишу по собственной воле, а не по приказу.

⁶ Снова строки из песни «Истамбул – Константинополь».

Меня отправили к директору за то, что я сказала, что уроки религии это просто история с более откровенными выдумками. Я гораздо лучше разбираюсь в Богах из космоса, чем в тех, которых люди выдумали сами, чтобы легче было воспринимать жизнь. Мистер Каркер сверился со списком дозволенных школьными правилами наказаний, словно надеясь, что сожжение еретиков ещё не отменили.

Когда дедушка спрашивает меня как дела в школе, я вру.

Пятница, 29 марта, 1963 г.

Утро вечной пытки. Два урока географии. Грозный заставил нас рисовать схемы бархана — разновидности песчаной дюны в Сахаре, в виде полумесяца, которую я видела в «Лоуренсе Аравийском». А потом, чтобы жизнь не казалась мёдом, должны были быть «Игры».

Но случилось чудо: ура, «Игры» отменили. Душ не работал из-за размёрзшихся труб.

Джиллиан говорит, что родители жаловались на синяки и царапины. Это явно были не её родители. У неё всегда есть синяки и царапины. Она живёт со своим папой, потому что мама от них ушла, когда она была ещё маленькой.

Все четвёртые классы завели в зал для проведения Собраний и выдали настольные игры. Жаловались на это только самые фанатичные мальчишки-футболисты. Венди Коуберн спросила у мистера Честертона нельзя ли поиграть пластинки на её переносном проигрывателе, он разрешил, и мы смогли танцевать, чтобы не мёрзнуть. Он был только рад, что нужно лишь присматривать за нами, и его с трудом отговорили не присоединяться к танцам.

Некоторые из девочек танцевали под Сьюзен Моган («Bobby's Girl»), Нила Седаку («Breaking Up is Hard to Do»), и Криса Уэйтса («Christmas Caroline»), а я играла в настольную игру. Бросила кубик, сдвинула фишку — бессмысленное успокаивающее движение.

Венди Коуберн поставила «Love Me Do».

– Нельзя такое брэнчание музыкой называть, – сказал Джон Марсианин, которому нравится только классика. – Просто шум какой-то.

– Ты не в теме, Марсианин, – дразнила его Джиллиан.

– Это лучшая и самая важная «сорокопятка» за последние пять лет, – сказала я. – До конца своей жизни ты будешь помнить, что жил тогда, когда появились «Битлз».

Венди и её клика мечтательно танцевали. Даже если не знать будущее, было очевидно, что «Битлз» были особенные. Бедный Крис Уэйтс играл в другой лиге.

– До Моцарта им далеко, – фыркнул Джон.

– Дедушка говорит, что Моцарт был невоспитанный хвастун с дурацкой причёской, – сказала я, – который много шумел, чтобы привлечь к себе внимание.

Кстати говоря, у дедушки волосы длиннее, чем у Ливерпульской Четвёрки.

– Взрослые всегда так говорят о популярной музыке, которая нравится нам, – продолжала я. – Так всегда было. Это потому, что взрослые чувствуют в нас угрозу. Когда меняется музыка, это означает, что приходит новое поколение. Молодые.

Джон странно на меня посмотрел:

– А это вдруг откуда, Лобастая? Глубокие мысли... Почему Марсианином *меня* называют?

Нужно быть осторожнее.

Позже...

Когда я вернулась на Тоттерс Лэйн, дверь Будки была покрыта льдом.

Чтобы попасть вовнутрь и попить чаю, пришлось взять со свалки скребок и отколоть лёд.

Дедушка не заметил.

В данный момент его интересует *холод*.

– Папа Джона говорит, что это из-за русских, – сказала я ему.

– Это вряд ли, детка.

– Он говорит, что русские побеждают в войнах только тогда, когда на их стороне снег.

– Не воспринимай это слишком буквально.

Даже в Будке холодно. А это же не должно быть возможно.

– Снег, Сьюзен, ни на чьей стороне.

Суббота, 30 марта, 1963 г.

Сегодня в школу идти не нужно. А домашнее задание я сделала вчера вечером.

Дедушка занят.

Когда он думает о холоде, он сам становится холодным. Иногда он просто ворчливый и капризный, как и большинство взрослых во всей вселенной. Но сейчас он *другой*. Он словно превратился в органическую машину, которая делает то, для чего её спроектировали. Вычисляет, каталогизирует, но не общается, не сопереживает, не чувствует.

Даже если рассердиться, это ведь тоже чувство.

К примеру, стоишь у какого-нибудь дома, смотришь в его окно, и видишь, что там бьют ребёнка, но ты не ломишься вовнутрь, чтобы что-нибудь сделать. Находишь это *интересным*, но не видишь причин что-то менять, словно вся вселенная это просто картина на выставке; можно наслаждаться мастерством художника, но не должно быть даже и мысли о том, чтобы дорисовать что-то, исправить повреждение или улучшить то, что нарисовано плохо.

Там, откуда мы родом, все такие. Я боюсь, что если туман рассеется, и я окажусь такой же. Дедушка в глубине души не может быть таким, иначе мы бы тут не оказались. Нам не пришлось бы сбегать.

У меня болит голова, очень сильно. Нужно перестать думать об этом.

Позже...

Я вышла, замотанная в тёплую одежду, осторожно ступая по обледенелым тротуарам. Повсюду висели таблички, предупреждающие о гололёде. Британское правительство обожает говорить народу о том, что ему делать, чтобы ему было лучше. А британский народ обожает ворчать, игнорировать министров, и решать свои проблемы за чашкой чая.

Раз уж мы здесь, то, наверное, можно считать нас заслуженными британцами. Мы оба любим чай и, наверное, ворчим, и сами разберёмся, без правительства. А могло быть гораздо хуже. Мы могли быть заслуженными американцами. Наверное, мы бы тогда больше шумели, больше улыбались, и у нас было бы оружие.

Уборщики снега перестали заходить на Тоттерс Лэйн. Им пришлось сосредоточить усилия на главных улицах, что означало, что улицы, на которых люди только живут, должны справляться сами. Несколько сугробов на улице отмечают места, где снегом засыпало припаркованные автомобили, ожидающие теперь археологов будущего. Миссис Фаульке из дома №79 каждое утро упрямо чистит своё крыльцо и дорожку до тротуара. Она говорила, что писала в горсовет жалобу.

В сточных канавах и на тротуарах снега намело по несколько футов. Под некоторыми из этих сугробов есть замёрзшие собаки и кошки, наверное, они в анабиозе.

Газеты «*Star*», «*News*» и «*Standard*» все называют разные цифры, но люди *погибали*. Каждый день появлялось сообщение или о пенсионере, скончавшемся в похожей на холодильник квартире, или о заблудившемся ребёнке, побелевшем, как снег. На Серпантине⁷ катаются на коньках, но студентам запретили проводить сбор пожертвований на Темзе. Подо льдом всё равно есть течение, и на середине реки лёд довольно тонкий.

Снеговик есть не только у нашей школы. В парках и дворах их полно. Некоторые дети одели свои творения епископами или джентльменами в шляпах-котелках, и требуют у прохожих монетки, как в Ночь Гая Фокса⁸. Возле автобусной остановки дети придали куче снега форму толстых людей, ожидающих автобус.

Улица Хай Стрит расчищена и посыпана солью. На ней сегодня было многолюдно. Многие магазины были закрыты всю неделю из-за этого тихого кризиса, но открываются в субботу утром. Это значит, что людям приходится за один раз покупать сразу всё.

Рядом с «Помпой», пабом на углу, выставлена доска, на которой мелом написаны повысившиеся цены на бренди и другой алкоголь. Когда «Помпа» открыта, рядом с ней всегда припаркованы мотоциклы, и парни в чёрных кожаных куртках сравнивают у кого громче ревёт двигатель и смеются

⁷ Озеро в Гайд-Парке.

⁸ Традиционное в Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября.

с тех, кто жалуется на шум. Они называют себя «Ребята Сверх-тонники» Оказывается, стать членом их банды можно лишь разогнав мотоцикл до скорости больше ста миль в час («тонны») и выжив после этого. Сейчас все мотоциклисты закрывают свои мотоциклы брезентом, а когда заводят их, создают ещё больше шума, чем обычно, из-за того, что свечи обледеневают. Я всегда перехожу дорогу так, чтобы не проходить рядом с этим пабом, когда в нём есть «Ребята Сверх-тонники». Любым попавшимся им на глаза девушкам они говорят ужасные вещи, даже таким маленьким и незаметным, как я.

Я пошла в магазин со списком покупок для дедушки. Были затруднения с завозом продуктов, поэтому я не всё смогла купить. Яйца, хлеб, и чай бывают нерегулярно. В очередях женщины говорят о том, что могут вернуть карточную систему. Молоко найти невозможно. Молочники перестали ездить около двух недель назад. Бутылки, которые они оставляли на крыльце, замерзали и лопались. Во многих магазинах за очередями присматривают полисмены в тёплых плащах и шлемах. Некоторые люди теряют терпение. Иногда в ход идут полицейские дубинки.

На свои карманные деньги (6 пенсов) я купила шоколадку, но она так замёрзла, что я об неё чуть зубы не сломала.

– Привет, Лобастая, – раздался голос.

Это был Джон Марсианин, он сидел на пассажирском сидении джипа. По выходным он вместо школьного блейзера

носит шерстяной армейский свитер. Сегодня на нём была ещё балаклава, оттопырившаяся по бокам из-за дужек его очков.

Балаклава не полностью прикрывала его лицо, и было видно, что он покраснел.

– Привет, Джон, – сказала я.

После того случая с Грозным, я стараюсь не произносить прозвища вслух. (Не знаю, как Джиллиан удаётся с этим справляться.) Я не понимала, почему он красный. Затем я сообразила, что Джон обычно с девочками не разговаривает. Он может говорить только когда рядом Джиллиан. За пределами школы он вообще не знает, следует ли признавать моё существование.

– Я тут с папой, – сказал Джон.

На Хай Стрит были солдаты, они организовывали контрольно-пропускной пункт. Капитан Брент, отец Джона, гонял солдат, изо всех сил стараясь быть вежливым с женщинами, стоявшими в очередях и задававшими ему вопросы. Гонять солдат у него получалось лучше, чем быть вежливым.

– Мы берём на себя власть на время чрезвычайной ситуации, – сказал Джон.

– Какой ещё ситуации?

– Холод. Это Нападение. Всем понятно, что это неестественно. Это кто-то сделал. Скоро об этом объявят официально.

К джипу вернулся отец Джона. С ним был молодой солдат, водитель.

– Кто твоя подружка, Джонни?

– Ло...

– Сьюзен Форман, – сказала я.

– Ты в одной школе с Джонни?

Я подтвердила.

– Молодец. Веди себя хорошо.

Когда они отъезжали, объезжая кучи снега на дороге, Джон оглянулся на меня. Кажется, я ему нравлюсь.

Позже...

Мне нравятся Питер О'Тул, Джон Леннон, и Патрик МакГуэн. Я обожаю «Лоуренса Аравийского», «Битлз», и «Опасный человек».

Альберт Финни мне не нравится, но он мне не нравится по-особенному, так что, возможно, на самом деле это означает, что он мне нравится больше, чем остальные.

Поскольку это был фильм для взрослых, чтобы попасть в «Риалто» на «Субботний вечер и воскресное утро» нам с Джиллиан пришлось одеться как шестиклассницы: высокие каблуки, макияж. Мы сели в задних рядах и двое парней попытались с нами заговорить, но они были гадкие, и Джиллиан их отшила. А потом мы увидели, что в зале есть мистер Честертон и мисс Райт из нашей школы, и нам пришлось прятаться, потому что они знали, сколько нам лет.

У меня из головы не выходит Альберт Финни. Или же Артур Ситон, которого он сыграл в этом фильме – персонаж из книги Алана Силлитоу, которую я ещё не дочитала. Грозный отобрал у меня эту книгу, потому что я читала её вместо того, чтобы изучать ротации сельхоз культур в Швейцарии. Когда он кидал крысу на конвейер на фабрике, или разбивал камнями окна, я понимала, что он был одновременно прав и неправ. Думаю, мне нравятся бунтари, я и сама почти бунтарь.

Мне не нравится Клифф Ричард, и в этом я *уверена*. Фу! Как по мне, так неудивительно, что он, наверное, останется холостым до конца дней своих⁹.

Разумеется, это всё люди, которых я не знаю лично. Я их видела или слышала только в кино, в журналах, по телевизору, по радио. Я не *знаю* их. (Так, как я знаю Джона, Джиллиан, учителей и дедушку). В том возрасте, на который я выгляжу, в некоторых земных культурах я бы была уже замужем и имела детей. Даже здесь и сейчас, в Англии (с моим подделанным свидетельством о рождении), я могу через полтора года выйти замуж, хотя это очень маловероятно. Джиллиан говорит, что девушки-пятиклассницы, которые бросали школу, чтобы выйти замуж, обычно делали это по залёту.

Я нравлюсь Джону. Нравится ли мне Джон?

Я не хочу отвечать на этот вопрос в дневнике.

⁹ Обыгрывается текст песни Клиффа Ричарда «Bachelor Boy».

Позже...

После того, как Джон и его отец уехали, я какое-то время бродила по Хай Стрит. У меня есть что-то типа подработки на выходных: я присматриваю за Малколмом, за что мне платят аж пять шиллингов. Джиллиан называет Малколма моим парнем, но ему всего шесть лет, и он даже для своего возраста не очень-то взрослый. Его мама работает продавцом в газетном киоске, а папа водит автобус.

Они из Тринидада, и они жаловались на климат ещё до начала морозов. Малколм любит ходить в кино, особенно на фильмы про ковбоев (скукота) и на мультфильмы (в которых и то больше смысла). Иногда я вожу его в зоопарк или в музей, но чаще всего сижу с ним в квартире его родителей, играю с ним, и рассказываю сказки.

Малколм любит слушать сказки. Я сказала ему, что я беглая принцесса из космоса. Он делает вид, что верит мне. А может, и вправду верит. Когда я с ним разговариваю, я могу рассказывать ему такое, что не могу рассказывать другим. И моя голова при этом не болит. Как будто Малколм не считается.

Дети не такие.

У Малколма есть игрушечные роботы, космические корабли, и он обожает всё, связанное с космосом. Его любимая игрушка – гонк. Они сейчас писк моды: тряпичные штуки, похожие на Шалтая-Болтая, с огромными яйцеобразными головами, огромными лицами и крошечными

конечностями. Он ковбой с чёрными усами, в маленькой ковбойской шляпе, и с кобурой на уровне челюсти.

Ковбоя Гонка Малколм таскает с собой повсюду.

Сегодня я забрала Малколма (замотанного с ног до головы в несколько слоёв пальто, шарфов, ботики и варежки) из киоска, где работала его мама. Он настоял на том, чтобы мы понаблюдали за солдатами, хотя они ничего особо интересного не делали.

– Уберите своё чучело, чтобы не мешало, мисс, – сказал солдат, рядовой.

Это было гадко. Малколму всего шесть лет, но он замолчал, когда услышал солдата, крепче сжал Гонка-Ковбоя, и уткнулся взглядом в тротуар.

И никому мы не мешали.

– Этому чертёнку лучше вернуться туда, откуда он явился, – сказал солдат.

Вот что люди думали о Малколме, который родился в Британии. Представьте, что бы они подумали обо мне, если бы узнали, откуда я родом!

Солдат недовольно смотрел на Малколма.

– Думаю, это вам нужно вернуться туда, откуда вы явились, – сказала я.

– И куда же это?

– Судя по всему, в «первичный бульон».

– Не дерзите мне, – сказал он.

– В чём дело? – спросил сержант. – Опять от работы отлыниваешь, Мунни? Если бы не было столько больных, мигом бы тебя на гауптвахту отправил.

– Он назвал моего друга чучелом, сэр, – сказала я.

Это было не то, что стукачество в школе. Об этом люди должны были знать.

Сержант посмотрел на Малколма и улыбнулся:

– Есть какое-то сходство. А теперь идите отсюда, барышня, не мешайте нам делом заниматься.

У меня горело лицо. На глаза наворачивались слёзы.

– Пойдём, Малколм, – сказала я и взяла его за руку. – Не будем мешать этим примитивным формам жизни эволюционировать.

Он тихо засмеялся, хотя и не понял.

Почему местные люди считают, что так важны небольшие вариации в цвете кожи? Или в том, что люди думают? Или в том, откуда они?

Когда солдаты грубили Малколму, мне хотелось раскрыть рот и выдохнуть на них ледяную смерть, превратить их в твёрдые статуи. Я, конечно, не умею так делать, но я не такая, как они. Если я возьмусь за дело, я смогу многое. По крайней мере, мне так кажется.

Но я не делаю. Я могу многое рассказывать Малколму, но лишь потому, что он думает, что я ему рассказываю сказки.

Малколм – лучшее, что у них тут есть. Нужно стараться думать об этом. Есть Ф.М., есть Грозный Грейндж и двойная география, но есть ещё и Малколм. Когда я рассказываю ему о других планетах, у него от удивления расширяются глаза. Это его любимые сказки.

В этот день Малколм вёл себя тихо. Когда я привела его домой, его мама сразу заметила это, но не стала ничего спрашивать. Я уверена, что она и так поняла. Если бы я была местной, мне стало бы стыдно. Но я не отсюда, поэтому я просто злюсь.

Позже...

Субботний вечер, как в «...и воскресное утро». Дедушка разрешает мне уходить и приходить когда мне угодно. Джон, который получает от своего отца каждое утро «наряды по дому» и должен отчитываться за каждую минуту каждого дня, завидует этой свободе, но она не всегда в радость. Иногда я переживаю, что пока меня нет, дедушка забудет кто я такая. Он легко может переместить Будку и бросить меня тут. Тогда мне, наверное, придётся повзрослеть, устроиться на работу, завести детей.

Не самая радостная перспектива. Может быть, мне лучше стать девушкой-битником, сочинять стихи на улице Оулд Комптон, разъезжать по улицам на «Ламбретте», одеваться исключительно в чёрное. Благодаря Видалу Сассуну, у меня подходящая для этого причёска.

Сегодня я встречалась с Джиллиан. Мы ходили в кино.

Это неловко. Джиллиан нельзя приходить на свалку Формана (по понятным причинам), а она не хочет, чтобы я появилась в её квартире (я догадываюсь почему, но писать не стану). Нам, чтобы переодеваться, приходится находить места с женским туалетом.

Ниже нашей школы есть молодёжный клуб при церкви, пойти в который могли разве что третьеклашки. Миссис Хей, жена викария, не одобряет ритмичную музыку, якобы поощряющую распущенные танцы, и проигрывает пластинки только с лёгкой религиозной музыкой. «Майкл, гребни к берегу, аллилуйя!», и тому подобное.

Викарий угощает зашедших подростков имбирным пивом, которое производит сам из земных организмов, гниющих в банках, которые иногда громко взрываются. Обычно нас с Джиллиан туда и палкой не загонишь, но в этом клубе был нормального размера туалет с полноценными зеркалами.

У меня почти ничего не получается сделать для того, чтобы выглядеть старше, кроме как обмотать голову косынкой, взгромоздиться на высокие каблуки, и надеть длинное пальто. Джиллиан подкладывает в лифчик носовые платки и распускает волосы, которые у неё обычно связаны. А ещё у неё есть плиссированная зелёная юбка, из-под которой выглядывают колени, и шарфик в тон юбки.

Очень долго мы помогали друг другу нанести макияж. В итоге на мне была алая губная помада и глубокие голубые тени под глазами, и я была похожа на принцессу из какого-то племени, которую собираются принести в жертву богам вулкана. Джиллиан покрасилась гораздо удачнее: немного подведённые брови, немножко губной помады, и – *вуаля!* – вылитая Ширли Энн Филд!¹⁰

– Холодная красotka, – сказала я, осмотрев её. – Только что из холодильника.

– Не напоминай мне о холодильниках, Лобастая. Только не в такую погоду. Две минуты на улице, и я коленей не буду чувствовать.

¹⁰ Английская актриса кино, театра, и телевидения.

Затем мы вышли из клуба, стараясь не наткнуться на мистера Хейя и его теннисный стол. На выходе мы прошли мимо жены викария, и она на нас *посмотрела*. Когда мы отошли, мы обе захихикали.

– Ты видела? – сказала я. – Эта женщина думает, что мы на пути морального разложения!

– А разве не так?

– Ещё как!

Когда мы добрались до «Риалто», сегодняшний фильм – «Одиночество бегуна на длинную дистанцию» с Томом Кортни – уже начался.

Мы, впрочем, не очень-то и хотели его смотреть. На фотографиях снаружи кинотеатра Том Кортни был чересчур похож на Джона-Марсианина, которого мы так часто видели в школе, что в дополнительном полуторачасовом напоминании не нуждались.

И вот стоим мы разодетые, а пойти некуда.

– У меня идея, – сказала Джиллиан. – Раз уж мы выглядим старше восемнадцати, то давай сходим в «Помпу». Я слышала, что у них там классный музыкальный автомат. Это же недалеко от твоего дома, да?

Я не хотела показать, что боюсь, поэтому согласилась. Я подумала, что нас туда всё равно не пустят, потому что пабы строже на счёт возраста, чем кинотеатры. Так что ничего плохого не будет.

Когда мы подходили к «Помпе», Джиллиан сказала, чтобы я шла старше.

– Это как? – спросила я.

Она показала: выставила грудь вперёд, задрала подбородок, и добавила своему росту несколько сантиметров за счёт того, что расправила спину и не сгибала ноги. Я попробовала так идти, но это было неудобно, и я снова захихикала.

Джиллиан была недовольна, но тоже хихикала.

– Что-то смешное, девочки?

Парень, обратившийся к нам, стоял рядом с «Помпой» и завязывал накидку на мотоцикле. На нём была чёрная кожаная куртка и перчатки. Из-под его шлема свешивался жёлтый шарф в чёрную клетку.

– Только твой видок, Космонавт, – сказала Джиллиан.

Я напряглась. Не стоило дразнить одного из «Ребят Сверх-тонников».

Он снял с себя шлем и подвигал бровями.

– Отведите меня к вашему лидеру, – сказал он. – Я прибыл на Землю забрать ваших девушек. На нашей планете женщины закончились, и мы ищем добровольцев им на замену.

– Удачи, парниша, – сказала Джиллиан.

– Меня зовут Зак, а не «Космонавт», и не «парниша».

– Да ты что?

– А у вас есть имена?

– Возможно, – сказала Джиллиан.

– И какие же?

Зак был не один. С ним была группа друзей, тусовавшихся возле паба вместе, как шайка Ф. М., все в мотоциклетной одежде. «Ребята Сверх-тонники». Среди них

были даже две девушки с острыми чертами лица, в больших, мужского размера куртках и джинсах, с завязанными сзади розовыми лентами волосами.

Зак повесил свой шлем на мотоцикл, и вынул из кармана нож-выкидушку. В школе такие запрещены, но некоторые старшие мальчики всё равно их носят. Улыбнувшись, Зак нажал на кнопку, и выскочило лезвие, только это оказался не нож, а расчёска. Его русые волосы помялись под шлемом, и он начал приводить их в порядок.

– Ты их смазал не хуже мотоцикла, – сказала Джиллиан.

Я подумала, что она рискует своей жизнью, а то и хуже, тем более что несколько парней засмеялись. Но он лишь улыбнулся, закончил причёсываться, и спрятал расчёску.

– Ну что, классно, дорогуша? – спросил он.

– По шкале от одного до десяти, примерно минус тридцать.

– Почти как погода, значит. Судя по вашему виду, вам не мешает согреться. Не хотите выпить по бренди?

У меня в голове возник образ утреннего похмелья.

– Ты угощаешь, Флэш? – спросила Джиллиан.

– Возможно, – сказал он.

– Не верьте Заку, ни единому слову, – сказал один из его друзей, у которого на щеке было что-то, похожее на след шины. – У него по субботам никогда денег не бывает. Всю зарплату спускает в пятницу на бухло.

– Это неправда. У меня отложено десять шиллингов на случай беды, а если этих ангелочков не отогреть, они явно попадут в беду.

– Сладкоречивый ты наш, – сказал один из парней.

– Не обращайтесь на них внимания, – сказал Зак. – Они завидуют моему шарму.

– Ты так собой доволен, автографы у себя не берёшь? – спросила Джиллиан.

– Если и захочу взять, то придётся мне в длинную очередь стать. После вас двоих, как минимум.

У него была широкая улыбка, но передние зубы были неровные.

– Мечтай дальше, Флэш.

– Попытка не пытка. А из какой вы школы?

– Коул Хилл, – сказала я, не подумав.

Парни засмеялись, а Джиллиан злобно на меня посмотрела.

– Несовершеннолетние, – сказал Зак. – Так я и думал. Доброго вам вечера, дамы. Увидимся как-нибудь... года через два.

Зак с друзьями пошли в «Помпу», а мы остались стоять на морозе.

Джиллиан перестала изображать высокий рост и готова была испепелить меня взглядом.

– Прости, – сказала я. – Я не подумала.

От обиды напускная «взрослость» Джиллиан пропала. Она стала похожа на ребёнка, у которого вот-вот начнётся истерика.

– Знаешь, на кого ты похожа, Лобастая? – сказала она и размазала пальцем на моих губах помаду. – На грустного клоуна.

– Прости, – снова сказала я.

Джиллиан ушла, ничего больше не сказав.

Вот, наверное, и кончилась моя карьера девушки-битника.

Позже...

Бредя от «Помпы» по Тоттерс Лэйн к свалке Формана, я чувствовала себя несчастной. Туфли для взрослых не были предназначены для гололёда, было очень тяжело держать равновесие. Звуки музыки (какой-то рок) и веселья, доносившиеся из паба, только подчёркивали мою отрезанность от всех. Теперь я была отрезана даже от компании чудиков под верховодством Джиллиан. Я понимала, что она перетянет Джона на свою сторону. Я стала аутсайдером среди аутсайдеров.

Я услышала шепчущий, трескучий звук, похожий на нечеловеческий голос. От него у меня внутри похолодело. Лишь через несколько секунд я поняла, что мне страшно. Обычно я сержусь, а не боюсь.

На улице никого больше не было. Всего в нескольких окнах за шторами горел свет.

Снова шёпот.

Я огляделась. Некоторые из уличных фонарей не горели. С них свисали ледяные сталактиты. Я подумала, что могла слышать гул ветра в сосульках.

Я чувствительная. Я это знаю. Иногда я чувствую то, что другие не чувствуют. Я *знала*, что я на улице не одна. И то, другое, не было человеком. Не будучи человеком сама, я узнаю разумных существ, не являющихся людьми. За мной наблюдали. Глаза во льду.

Я постаралась идти быстрее, но поскользнулась, и у меня соскочила туфля. Ступнёй ноги, одетой лишь в чулок, я

коснулась ледяного тротуара, и мою ногу пронзил холодный шок. Я закачалась, но не упала.

Мой худший кошмар: явился школьный надзиратель, чтобы забрать нас домой! Я испугалась, подумав о дедушке. Мне казалось, что я знаю, что сделают с ним «Учителя». После суда нам не позволят помнить друг друга. Всё будет так, словно мы не родственники. Нет, всё будет ещё хуже: мы больше *не будем* родственниками. Всё пространство и время изменятся, и у него и меня будут свои жизни, но разные и отдельные, подчинённые Правилам.

Ворота двора Формана были раскрыты. На крыше Будки горел голубой фонарь. Мои страхи прошли. Я знала, что его не нашли.

Но всё-таки, на Тоттерс Лэйн кто-то был. Разум... Большой, холодный, и... антипатичный?

Я подняла свою туфлю и зашла на свалку.

Воскресенье, 31 марта, 1963 год.

Я осталась дома, у себя в комнате.

Дом – это Будка. Это не просто Будка. Она ещё и Корабль. Возможно, это Корабль внутри Будки. Вот только то, что внутри, находится вовне. Оно вовне всего.

Вам этого не понять. Я могу объяснить с точки зрения физики, заполнив остаток дневника диаграммами, но вы всё равно не поймёте. Поверьте мне.

Впрочем, скорее всего, читатель я сама. Я будущая, повзрослевшая, читающая снова о том, какой была в моём возрасте. Развеется ли к тому времени белый туман в голове?

В сознании и памяти дедушки до сих пор есть недостающие части. Когда у него спрашивают, как его зовут, он старается уйти от вопроса. В последнее время он старается избегать ситуаций, в которых у него могут спросить о его имени.

Я должна знать дедушкино имя, но я не знаю. Как будто бы когда-то у него было имя, но его забрали, забрали не только у него, но у всех.

Раньше я считала себя уникальной. Но дедушка похож на меня. И Джиллиан тоже. Когда кто-нибудь спрашивает о её синяках, я чувствую, что у неё появляется что-то похожее на головную боль, как у меня, когда я приближаюсь к туманной зоне.

После вчерашнего вечера Джиллиан вряд ли будет со мной дружить. Она ушла домой злая. Я вела себя как ребёнок: раскрыла рот, не подумав.

То, что я испортила, было важно. Хотя Джиллиан и дразнила Зака, подкалывала его, я чувствовала, что она испытывала его, бросалась фразами, чтобы услышать, что он ответит. Думаю, она хотела бы стать после школы «девушкой-сверхтонницей». Не такой, которая сидит на заднем сидении или машет платочком, давая сигнал старта гонки, а такой, которая сама ездит на мотоцикле (или, по крайней мере, на одном из этих маленьких итальянских скутеров) и водится с «Ребятами».

Я еле смыла с себя этот макияж «грустного клоуна». В этом Джиллиан была права: я выглядела душой. О чём я тогда думала?

Я смирилась с тем, что в моей голове чего-то не хватает. Воспоминания – как газеты или журналы. Их невозможно хранить все, но можно вырезать отдельные статьи и фотографии и вклеивать в альбом. Вот только выбирать их самому нельзя. Как будто бы вырезанием и вклеиванием занимается кто-то другой. Этот кто-то вклеивает то, что лучше было бы отправить в мусор, и выбрасывает то, что могло бы пригодиться, или же вообще было любимым.

Когда я буду перечитывать этот дневник, я уже буду знать ответы на эти вопросы? Или же он будет мне нужен для того, чтобы напоминать о забытых вопросах?

При мыслях о дедушке меня иногда беспокоит – ужасает – то, что пятна тумана с возрастом становятся больше. Не у

всех людей, а у таких, как я и дедушка. Если мы вообще считаемся людьми.

Иногда дедушка не знает ни меня, ни самого себя. Доходя до конца предложения, он уже не помнит, с чего его начал, и начинает нервничать. Он пытается замаскировать свои провалы вспышками раздражительности, но я вижу, как они его расстраивают. Я чувствую его разочарование и боль.

А с другой стороны, бывают времена, когда дедушка не личность. Он живёт в Будке, редко выходит наружу, смотрит на свои мониторы и приборы. Это не то, чем должны заниматься люди. Я не думаю, что это то, чего хочет дедушка, но его туман больше моего и продолжает расти. (Иногда я могу почувствовать, что у дедушки в голове. С другими такого не бывает. Самое грустное, что проще всего это делать тогда, когда он меньше всего является собой. И тогда я боюсь. Внутри белого тумана есть чёрная пустота, и это опасно. Если в неё попадёшь, то обратно, возможно, дороги уже не будет.)

У нас дома были правила, жить по которым мы не могли.

Позже...

По словам газеты «*Sunday Express*», за которой я сбегала в киоск, где работает мама Малколма, русские и американцы винят друг друга в ухудшившейся по всему миру погоде. Оказывается, погода не по сезону холодная даже в Южном полушарии – метели в Австралии и айсберги в Полинезии. Научные советники президента Кеннеди настаивают на международной проверке «Новосибирского проекта», но кремлёвские учёные утверждают, что с такой же вероятностью несчастье может быть вызвано добычей американцами нефти в Аляске. Обе стороны были вынуждены признать, что они пробурили глубже, чем говорили. Но внутри Земли должно быть жарче, а не холоднее. На карикатуре Рональда Джайлза (главная причина покупать «Экспресс») Бабушка на коньках выгуливает череду неряшливых детей на замёрзшем озере Серпантин, а Мама и Папа тем временем пытаются разогреть на костре из шезлонгов бутылки с замёрзшим стаутом¹¹.

Не знаю, может быть, Джон прав: холод – это нападение. Но есть ещё кое-что. Я беспокоюсь о том, не из-за нас ли это. Мне кажется, что Будка могла что-нибудь испортить. Вполне логично, что её пространство должно откуда-то браться. Будка не совсем исправна. Может быть, она преобразует

¹¹ Тёмное пиво верхового брожения, приготовленное с использованием жжёного солода с добавлением карамельного солода и жареного ячменя.

тепло в измерения? И она вышла из-под контроля, вытягивает из планеты всё больше и больше тепла, добавляя себе всё больше внутреннего пространства?

Мы используем всего лишь несколько комнат. Вполне возможно, что внутри будки столько же пространства, сколько и снаружи.

Дедушка всё время с ней возится. Пытается замести наши следы.

Холоднее всего рядом с Будкой. Свалка – просто ледяной грот. Пожалуй, это даже красиво. Сверкает белым и голубым светом, преломляющимся в перламутровых льдинах, а за полупрозрачным толстым слоем льда угадываются размытые формы погребённого под ним металлолома.

Ранним вечером, послушав по радио хит-парад Алана «Флафа» Фримана (на первом месте группа «Shadows» с композицией «Foot Tapper» – фу!), я пошла искать дедушку. Его не было ни в лаборатории, ни в отсеке управления.

Вдали от нагревателя, стоящего в моей комнате, так холодно, что у меня изо рта идёт пар. Я пошла на холод, и оказалась возле двери, которая была не закрыта. Я выглянула за неё. Из дедушкиной лаборатории в дверь выходили толстые кабели, так что я знала, что он экспериментирует где-то рядом.

Я похолодела не только от температуры. Во дворе свалки дедушка с кем-то разговаривал. В щель мне было видно дедушку (одетого в русскую меховую шапку и шерстяное пальто), в руках у него был не то большой мегафон, не то

небольшая «тарелка» телескопа с торчащей из центра кристаллической нитью.

Я могла расслышать только отдельные фразы. Я не могла понять, разговаривает ли он с кем-то, или же просто бурчит себе под нос.

«... узурпация ... отвратительные захватчики ... первый жилец? ... станет холоднее, конечно... большой шар разумного льда...»

Он действительно разговаривал с кем-то. Я видела, что он слушает и кивает, но не могла расслышать другой голос, а только странный звук, словно кубики льда тарахтят.

Я узнала шёпот. Присутствие, которое я почувствовала вчера. Как же я сразу не догадалась, что дедушка его тоже почувствует и предпримет шаги для установления контакта!

Он часто говорит, что Земля — это не то место, куда отправишься искать хорошего собеседника.

Дедушка смотрел на того, с кем он разговаривал. Он указал на свой аппарат.

Я рискнула приоткрыть дверь немного сильнее.

Рядом с дедушкой никого не было, но он стоял перед стеной блестящего, подвижного льда. Внутри него были какие-то фигуры, похожие на тех первобытных людей, которых иногда находят в ледниках. Фигуры не двигались, двигался лёд. Его поверхность менялась, но не была жидкой.

Вчера вечером мне показалось, что во льду были глаза. А теперь там были и лица.

— Так, значит, вы хотите избавиться от этих паразитов, — сказал дедушка. — И как эти паразиты себя называют?

Человеками? Ну, для вселенной это не большая потеря. Право первого в данном случае явно на вашей стороне. Посмотрим, что можно сделать, мой дорогой друг. Сожалею, что доставил вам неудобство. Мне абсолютно не следует вам мешать, что вы, что вы.

Я закрыла дверь, придавив кабель.

Мои сердца сильно стучали.

Позже...

Зашёл дедушка. Он ничего мне не сказал.

Я переживаю о нём. Я переживаю о том, почему мы здесь, что мы можем сделать. Я больше похожа на него, чем на них, на людей, которых он называл «паразитами».

Может быть, я как-то и смогла влиться в их общество, но это лишь притворство. Я не с Земли. Как Мекон.

Единственный, кому я об этом рассказала – Малколм, потому что он *всё* воспринимает как волшебную сказку. Вчера он спросил меня, не придёт ли Дед Мороз ещё и на Пасху, раз снег до сих пор не сошёл. Он думает, что в телевизорах живут маленькие люди, которыми правят бестелесные головы, называемые Дикторами. Я рассказывала ему о других планетах, о других местах. Когда он вырастет, он будет думать, что я ему просто сказки рассказывала.

От этого мне грустно.

Человеческие существа – люди – инопланетяне. Односердечники, которые мчатся по своей жизни, быстро растут и стареют, никогда не меняют свои лица.

Но они *не* паразиты. Это их дом, а мы у них в гостях. Нас сюда не приглашали.

Борясь с болью в голове, я думаю, что мы сбежали из *Школы*. Там, откуда мы родом, *Учителя* на нас злятся.

Я могу обойти эту боль. Есть способ вспомнить всё без неё – думать эквивалентами. Пока я представляю себе то, что скрывает туман моего сознания, в терминах того, что есть *Здесь и Сейчас*, я могу вспоминать *Дом*.

За постоянные пререкания на уроках *Учитель* захотел наказать дедушку миллионом «строк» и «палок». Дедушка взял *школьное имущество* (Будку) без разрешения *Завхоза*, и прогулял Двойную Географию, уговорив меня не пойти на «Игры», а отправиться с ним как бы на каникулы. Мы вышли за территорию *Школы*, и *Школьный Надзиратель* нас разыскивает. Мы нарушали правила на полную катушку: курили за сараями, бегали по коридорам, воровали в школьном буфете, смеялись во время Собраний, одевались не по форме.

Если нас вернут в *Школу*, то будет не просто Наказание.

Осталось только одно правило, которое дедушка ещё не нарушал. Большое, определяющее правило, которое зашиито в его (мой?) мозг так же глубоко, как импульсы, которые заставляют лёгкие дышать, а сердца биться. Главное правило гласит, что нам нельзя *вмешиваться*. Мы живём за пределами пространства и времени, заглядываем в них, наблюдаем, замечаем, проявляем академический интерес. Но мы не *вмешиваемся*. Теория под этим такая: это не наше дело. Нас не в чем обвинить, нас не за что похвалить. Мы знаем всё, но не влияем ни на что.

Вот, я могу признать: я бунтарка. Как Артур Ситон. Как Лоуренс Аравийский. Мне кажется, что я вообще не верю в правила. Даже... нет, особенно в *основное*. Я считаю, что *вмешиваться* — это обязанность. Я хочу быть частью пространства и времени. Когда мы покинули *Дом*, машины в Будке ожили: часы начали отсчитывать секунды, одометры — мили. Их там разметил дедушка, хотя пока мы не сбежали, в

них не было смысла. *Дом* не то место, где что-либо происходит. Пространство там было похоже на внутренность Будки: если бы вы взялись измерять всю вселенную, то пространство *Дома* осталось бы неучтённым. Когда мы сбежали, мы возникли в бытие, вошли в непрерывный поток, который течёт из прошлого в будущее, вышли из Будки и стали размерными.

А до того... я даже не знаю, можно ли было нас считать *живыми*.

Я боюсь, что главное правило до сих пор сидит в голове у дедушки, что побег из *Дома* не помог ему убежать от своего воспитания. Возможно, что в Будке *Дом* всегда с нами. (Может быть, Будка до сих пор *Дома*; может быть, украденное нами – лишь дверь.) Правило о невмешательстве есть и в моей голове, но из-за того, что я молодая (на мне всего лишь первое моё лицо), оно ещё не пустило корни. Что-то постоянно твердит мне, чтобы я не вмешивалась, но я могу спорить с этим. Пускай даже и ценой потери воспоминаний, но я могу сопротивляться *Школьной дисциплине*.

Думаю, поэтому дедушка меня с собой и взял. Я могу делать то, что он делать не может.

Понедельник, 1 апреля, 1963 г.

День Дурака. В школе глупые шутки. Объявление на доске у входа обещало шампанское и чипсы первым двадцати ученикам, которые попросят у буфетчиц «особое меню». Мистер Честертон послал Малыша Титча взять у завхоза «левостороннюю губку для стирания с доски». Первоклассники почти на любое обращение отвечали «Первого апреля никому не верю».

Какой в этом смысл? Все пытаются пошутить, и никто никому не верит.

Весна должна наступить. Наверняка.

Позже...

Джиллиан на английском села, как обычно, рядом со мной и болтала так, словно ничего плохого в субботу не было. Если она решила об забыть этом, то и я забуду. И не важно, что она обозвала меня «грустным клоуном». Она моя подруга. Я буду исходить из этого. Все мои страхи и переживания были напрасны. Пора бы уже привыкнуть.

Люди могут меняться. Их жизни такие короткие и насыщенные, что им приходится за короткое время прочувствовать все эмоции, которые только бывают; это как человек, только что зашедший в паб, жадно пьёт, услышав о скором закрытии заведения. Это во многом объясняет то, как люди распоряжаются Землёй.

Кроме того, меня гораздо больше сейчас волнует то, что случилось позже – *присутствие* во льду. То, с чем разговаривал дедушка. Теперь я чувствую его в школе, на улицах, повсюду. Когда светит солнце, оно не так заметно, но всё равно есть.

Я стала бояться снега.

Позже...

На утренней перемене была большая битва снежками.

Было жутко холодно. Из-за толстых мрачных туч утро казалось почти ночью. Сильный ветер словно вонзал в голую кожу иголки, заставляя детей искать укрытия от него. У меня было неприятное чувство, словно оцепенение, как если бы столкновение с айсбергом уже случилось, но корабль ещё не затонул.

Формально мистер Каркер запретил снежки, но в этот раз начали игру учителя. Мистер Честертон попал снежком в затылок «Горилле» Оукхёрсту (который проводит «Игры») и крикнул «Первое апреля!». Мистер Оукхёрст поклялся жестоко отомстить, призывая своих футболистов помочь в его правом деле.

Ф. М., который не был любимчиком учителей (хотя его статус «кулигана» в Коул Хилл как минимум терпели), слепил маленький плотный снежок и метнул его, как ядро, в голову Джиллиан. Я была рядом с Джиллиан — мы возле нашего снеговика — и слышала треск, с которым её стукнул снежок. Снежок развалился. Внутри него было несколько стеклянных шариков.

Вот подлец! Какая подлая крыса!

Джиллиан покраснела и сжала кулаки.

— Что бы твой отец с тобой не делал, я сделаю лучше, — сказал Френсис.

С ним была его шайка.

У Джиллиан постоянно были неприятности из-за драк. На хоккейной площадке она может пробить себе дорогу через команду противника даже без клюшки. Иногда она теряет контроль над собой и безумеет от злости. Я знаю, что она пытается сдерживаться. И сейчас она пыталась. Когда она теряет самоконтроль, она может кого-нибудь ранить. Однажды она победила в драке парня из шестого класса, который тронул её грудь.

– Если после твоего отца тебе приходится идти в больницу, – сказал Ф. М., – то после меня сразу в морг отправишься.

Если Джиллиан не выдержит, у шайки Ф. М. будет оправдание. Но она лишь подняла один из шариков – прозрачный, зелёный – и «выстрелила» им щелчком пальцев. Не знаю, целилась ли она ему в глаз, но попала чуть выше брови. Ф. М. закричал, у него пошла кровь.

Игра в снежки была такой шумной, что никто этого не заметил. Мистер Честертон попытался объявить перемирие, но Горилла не знал пощады. Учителя были заняты своей игрой.

Ф. М. достал свою битую для крикета и гадко улыбнулся. Половина его лба была синей, на виске была похожая на родимое пятно корочка крови. Я стала перед Джиллиан, надеясь, что меня Ф. М. битой не ударит.

– Не подходи к ней, – сказала я Ф. М.

На площадке есть правила. Не школьные правила, а правила детей. Есть вещи, которые мальчикам нельзя делать по отношению к девочкам. С точки зрения драки, Джиллиан

не была девочкой. А я была. Но правила постоянно кто-нибудь нарушал.

Ф. М. замахнулся. Я была уверена, что моя голова сейчас отлетит в сторону.

Бита просвистела у меня перед носом, но это Ф. М. просто замахивался. Бита ударила по голове снеговика.

Его банда одобрительно закричала.

Со снеговика слетело несколько снежинок.

Крики утихли.

Голова снеговика осталась на месте. Удар только забил глубже в голову один из глаз-камешков и оставил вмятину.

Ф. М. выронил биту, его запястья странно дрожали.

Он произнёс такие слова, которые я не стану тут писать.

Удивившись, я подошла ближе к снеговику. Он, должно быть, превратился в ледяную статую, твёрдую, как мрамор.

Внутри снеговика что-то заскрипело. Его голова повернулась. Ф. М. закричал, как девчонка.

Я отошла подальше.

Снеговик ожил. Он поднялся на полметра, его слепленные ноги вытянулись в толстую колонну. Из боков вылезли руки, огромные руки с пальцами в виде острых сосулек. Сверху его покрывал пушистый снег, но внутри у него был прозрачный трескучий лёд.

Ф. М. кричал, и не удивительно.

На снеговике всё ещё был отпечаток от его биты. Кепка и шарф придавали ему задорный вид.

Снеговик проплыл по игровой площадке, похожий скорее на большого слизня, чем на человечка. Он стал над Ф.

М. и направил на него руки. Ледяные стрелы вылетели из рук и вонзились мальчику в ноги, пробив штаны.

Ярко-красная кровь растеклась по белой площадке.

Ф. М. снова закричал, как ребёнок. Он обписался. (Трудно ему будет поддерживать образ хулигана после того, как он обписался на виду у всей школы. Я ему сочувствую? Ни капли.)

Бой в снежки остановился.

Снеговик замер.

Мистер Оукхёрст подошёл и спросил что случилось. Мистер Честертон пошёл за медсестрой.

– Выкладывай, Минто, – потребовал мистер Оукхёрст. – Кто это с тобой сделал?

Всхлипывая, Ф. М. указал на снеговика.

Тот сместился по площадке метра на полтора и наклонился, но руки у него уже были прижаты к бокам. На лице у него была невинная улыбка из кусочков коры, которую слепила я. Горилла не видел его ожившим.

Ф. М. не мог говорить. Он трясся от шока. Мистер Оукхёрст двумя руками схватил ноги хулигана, пытаясь остановить кровь, но при этом не касаться пятна мочи. Шайку Ф. М. как ветром сдуло.

Зазвенел звонок на урок.

– Это... это были они, сэр, – сказал Ф. М.

Я не сразу поняла, что он указывает на нас.

– *Девочки?* – недоверчиво сказал Горилла.

Я хотела возразить, но Джиллиан взяла меня за руку. Это было несправедливо, но она понимала, что может получиться. Если мы всё объясним, нам же будет хуже.

Пришла медсестра с бинтами и мазью. Остальные дети ушли в классы.

– Вы, малолетние преступницы, марш немедленно в кабинет директора! – сказал мистер Оукхёрст. Он посмотрел на свои измазанные кровью руки и покачал головой. – Не знаю, куда катится этот мир. Я бы понял, если бы такое отмочили парни. Но... *девочки?!*

Позже...

Нас наказали «задержанием». Причём не только на сегодня, а на всю неделю. Мистер Каркер назначил бы нам и больше, но дальше начнутся Пасхальные выходные. Упоминался «ремень». Если бы учителя не подозревали, что Ф. М. сам же и начинал все драки, в которых участвовал, мы бы, наверное, заработали «палку».

Джиллиан – единственная девушка в Коул Хилл, которая когда-либо зарабатывала «палку».

– Ваши родители будут поставлены в известность, – сказал директор. – Я им позвоню.

Джиллиан внезапно испугалась ещё сильнее, чем когда ожил снеговик. Сильнее, чем когда мы заходили в кабинет директора.

– Папа не берёт трубку.

Директор посмотрел на меня.

– Я живу с бабушкой.

– А у вас в доме есть телефон?

– Я его никогда не видела.

Мистер Каркер ударил линейкой по столу, словно перед ним лежала рука ученика. В его маленьком кабинете звук отдался гулким эхо.

– Ты что, юмористкой себя считаешь, Форман?!

Я не знала что сказать. Я не могла объяснить. В нашем «доме» можно найти очень много разных вещей, многие из них удивили бы большинство людей (сделанная в виде слоновьей ноги подставка для зонтов, в которой стоят

африканские копья, хроно-синкластический инфундибулятор), но вот то, чему никто бы не удивился (телефон), похоже, отсутствовало. Я не могла утверждать, что у нас *нет* телефона, просто мне он никогда не попадался.

– Мальчик лежит в больнице. Я не потерплю шутки!

– Конечно, сэр.

Ни Джиллиан, ни я не пытались рассказать о снеговике. Со взрослыми это бесполезно. Они живут в другой реальности. Я не знаю, осознают они или нет, но у них есть странная способность игнорировать то, что у них прямо перед носом.

Мистер Каркер пошёл на компромисс и дал нам запечатанные конверты, которые нужно было передать «родителям или опекунам».

– Я полагаю, что когда вы придёте домой, вас там накажут не меньше, чем в школе.

Джиллиан ничего не сказала. Если она передаст конверт отцу, то уже завтра утром будет в больнице в ещё худшем состоянии, чем Ф. М. Мы об этом никогда не говорили, но я знала это. И я поняла, что директор это тоже знает, что все знают. Он просто принимал это как факт, ничего не говоря.

– Сэр, вы не можете так поступить, – сказала я. – Папа Джиллиан тогда...

Мистер Каркер осмотрел меня, как на биологический образец:

– Что тогда, Форман?

Джиллиан тоже смотрела на меня, перепуганная, и уже с настоящей ненавистью, гораздо большей, чем когда я

проболталась о нашем возрасте возле «Помпы». Даже она предпочитает принять всё как есть, согласиться на порку, но не рассказывать о том, что с ней бывало дома.

– Ничего, сэр, – сказала я, сгорая от стыда.

Позже...

Раньше меня никогда не задерживали, но я знала, что это такое. Группа учеников, обвинённых в мелких правонарушениях (т. е. недостаточных для «ремня» или «палки», но за которые мало «строк»), задерживались в школе после уроков на два часа и использовались в качестве рабской рабочей силы для выполнения грязной работы.

Среди сегодняшних задержанных был Джо Гибсон, отец которого был представителем профсоюза. Он сказал, что «задержание» — это для школы возможность сэкономить на разнорабочих. Он был ветераном «задержаний», и в основном его наказывали за то, что он спорил с учителями и ставил под сомнения школьные правила.

Команда задержанных состояла из пяти парней — все из четвёртых и пятых классов, задержанные в основном за первоапрельские шутки после полудня¹² — и нас с Джиллиан, а командовал нами Горилла Оукхёрст. Когда все остальные ученики шли по домам или к автобусным остановкам, мы должны были явиться в зал для Собраний и получить задания и инструменты.

— Я слышал, что вы отправили этого неандертальца Минто в больницу, — сказал Гибсон. — Молодцы, дамы. Кто-то должен был преподать урок этому мерзавцу.

Джиллиан со мной не разговаривала.

¹² В Англии первого апреля шутить принято только до полудня.

Она много думала. О том, что я чуть не сказала директору. Это для неё было важнее, чем снеговик.

А я не могла перестать думать о снеговике, хотя от этих мыслей у меня болела голова. Это не было связано с моими обычными туманными зонами, но чем-то было похоже. Ведь от необъяснимых явлений всего один шаг до туманных зон.

Как только у Джона возникает желание поговорить о летающих тарелках, не дающих покоя ПВО, или о том, что Стоунхендж это древний космопорт, у меня тут же возникает мигрень – мозг предупреждает меня, чтобы я молчала.

Снеговик ожил.

Присутствие ощущалось не только на Тоттерс Лэйн. Здесь оно тоже было. И оно становилось смелее. Оно переставало прятаться. Разминало ледяные мускулы.

Мистер Оукхёрст велел нам надеть пальто, шарфы, перчатки, отвёл нас в подсобку и выдал большие инструменты. Кирки и лопаты. Паяльные лампы. Лестницы.

Немного подумав, он выдал нам непромокаемые плащи, чтобы мы надели их поверх своих пальто. Завсегдатаи «задержания» сразу застонали, предчувствуя, что задание будет не из приятных.

Сегодняшняя работа была связана со льдом. Его так много накопилось в сточных желобах на крышах, что желоба могли оторваться от стены. Мистер Оукхёрст не знал, что делать со мной и Джиллиан, думая (напрасно!), что мы не справимся с кирками и лопатами. В конце концов он решил, что мы с ней достаточно лёгкие, чтобы залезть на лестницы и растапливать наверху лёд паяльными лампами.

– А Хатчер – вон от лестниц, – приказал он.

Дадли Хатчер – прыщавый парень из пятого класса – отбывал наказание за то, что заглядывал девочкам под юбки. Его прозвище было «Грязный Гёрти».

Мы вышли на неосвещённую игровую площадку. Когда наши два часа истекут, наступит уже ночь, похолодает.

Я держалась подальше от снеговика. По борозде в снегу было видно, где он двигался. Он стал больше, как будто бы дети добавили ему объёма, прилепив снежки. Из его боков торчали шипастые ледяные ветви. На голове была борода из клыков-сосулк. Несмотря на кепку и шарф он был похож не столько на снеговика, сколько на какое-то страшное дерево.

Мальчики прислонили лестницы к стене, и Горилла указал вверх. Там, где желоба пристыковывались к водосточной трубе, скопился лёд. Он был похож на большой нарост, от которого вниз по трубе, словно щупальца грязно-белой медузы, спускались замёрзшие потоки.

– Словно тонна замороженной требухи, – сказал Гибсон.

– Залезайте наверх и принимайтесь за него, девочки, – велел мистер Оукхёрст. – А вы, парни, будете разбивать и отгребать в сторону сброшенные ими льдины. Гёрти, ты будешь отвозить лёд на тачке.

Во время «задержания» учителя могут называть детей как угодно.

На мгновение я заволновалась, что когда мы залезем наверх, Джиллиан направит на меня свою паяльную лампу, но я знала, что её обида будет длиться недолго. На меня, во всяком случае. Она не забудет этот случай, но голову терять

из-за этого не станет. Она пережила субботний вечер возле «Помпы», переживёт и сегодняшний случай в кабинете директора.

Мы полезли наверх.

– Кто быстрее, – сказала она, всё-таки заговорив со мной.

Она быстро полезла вперёд и выиграла. Я решила лезть осторожно. Парни внизу подшучивали, но под юбки не заглядывали.

(Мистер Каркер отклонил десятки петиций о том, чтобы девочкам разрешили ходить в школу в брюках. Думаю, он был бы рад, если бы мы ещё и в парандже ходили, как мусульманки.)

Наверху, возле крыши, мы уселись на ступеньках и направили пламя на лёд.

Я была рада, что пришлось работать паяльной лампой: она хотя бы руки грела. От талой воды у меня скоро размокли варежки, а затем они начали замерзать и похрустывать.

Подо льдом угадывался стык желобов. От пламени паяльных ламп растекалась вода.

– Берегись! – громко крикнула Джиллиан.

Большой кусок льда отвалился и свалился на землю, разлетевшись на острые осколки.

– Снеговик опасен, – сказала я Джиллиан так, чтобы другие не слышали.

– Мы его растопим, – сказала она. – Паяльными лампами.

– За это наказание будет сильнее, чем «задержание», – напомнила ей я. – Мистеру Каркеру снеговик понравился, ты забыла?

– Чёртов Каркер не знает, на какой он планете живёт.

Раздался хруст, и вдоль обледенелого жёлоба пробежала трещина. Моя лестница выскользнула из-под меня. Гибсон и другие парни пытались её удержать, но я выронила паяльную лампу, и парням пришлось разбежаться в стороны. Лестница закачалась и упала на землю.

Замёрзшими пальцами я держалась за обледенелый жёлоб. У меня внутри всё перевернулось.

Я не понимала, почему я не падаю. Затем увидела, что Джиллиан поддерживает моё плечо, вцепившись в плащ.

– Переставляй ноги на другую лестницу, Форман! – кричал снизу Горилла.

Увидев перекошенное лицо Джиллиан, я вспомнила, как она посмотрела на меня в кабинете директора.

– Не бойся, Сьюзен, – сказала она. – Я не отпущу.

Я и не думала, что она отпустит.

Но я всё равно забросила ноги на лестницу и нашла, за что держаться руками. Нам обеим было неловко, но мы вцепились друг в друга, чтобы держать равновесие. Мистер Оукхёрст с парнями держали внизу лестницу. Даже Грязного Гёрти пришлось позвать.

Жёлоб трещал. Я видела, что лёд двигается, как каша, по нему идут волны, но он не был жидким. Он потрескивал, как снеговик.

Мы с Джиллиан осмотрели весь жёлоб. Весь лёд ожил, он свешивался с окон, с карнизов, с крыши. Он двигался. Даже иней на окнах шевелился, отражая закат, создавая похожие на звёзды радуги.

Внизу раздался чей-то крик.

Мы с Джиллиан посмотрели под ноги.

Снежный ковёр на земле вздыбился, закружился вокруг ботинок и носков парней, поднимался к их коленям. Парни начали топтать ногами и пытаться убежать. Брошенная ими лестница качнулась.

Я увидела на штанинах Грязного Гёрти пятна крови.

В снегу было полно шипастых кусков льда.

Из массы льда, намёрзшей на жёлоб, вырвался ледяной кулак и, едва не задев моё лицо, бросился в сторону Джиллиан. Кулак был на конце плотного щупальца. Я могла видеть сквозь эту ледяную руку, у неё была почти растаявшая сердцевина и твёрдая, как железо, оболочка. Джиллиан ткнула в атакующую руку паяльной лампой, и когти растеклись водой.

Лестница долго не простоит.

Мы были рядом с большим окном с замёрзшими стёклами. Я кивнула на стекло и крикнула: «Жги его!». Джиллиан, позабыв о правилах о школьном имуществе, провела пламенем по одному из стёкол. Иней, в котором чудилось страшное лицо, тут же растаял.

Я ударила ногой по стеклу. Плохая идея. Окно так и не разбилось, но моим весом лестницу оттолкнуло от стены.

Джиллиан схватилась за лестницу обеими руками, выронила паяльную лампу, и напрягла всё тело, как прыгунья с шестом, двигая ноги к окну.

Удалившись на какое-то расстояние от стены, лестница качнулась назад, как маятник. Я перелезла на другую её

сторону, чтобы своим весом помочь Джиллиан прижать ноги к окну.

Стекло разбилось, и Джиллиан зацепилась голыми ногами за подоконник. Она поцарапалась до крови.

Соскользнув в класс, она затащила туда и меня. Лестница упала. На мгновение мы прижались у окна друг к другу, а затем выглянули через подоконник наружу.

Внизу, на игровой площадке, лежали разбросанные тела мистера Оукхёрста и парней, над ними кружилась живой иней, их тела и одежда были проколоты сосульками. Смещая тела, из земли вырастали и исчезали ледяные шипы.

Джиллиан раньше никогда не видела мёртвых.

Не было смысла тратить время на расспросы о том, что происходит.

— Нам нужно выбраться отсюда, — сказала я. — Дедушка сможет что-нибудь сделать.

Джиллиан покачала головой:

— Ни один взрослый не знает что делать, Лобастая. Посмотри вниз, на Гориллу. Мой папа не сможет с этим справиться. И твой дедушка тоже.

Я не могла ей сказать, что она просто не знает моего дедушку.

А ещё я не была уверена, что дедушка захочет помогать «паразитам». Он может стать на стороне снега. Или же он может сложить руки на груди и наблюдать за тем, что будет дальше. Помощь может быть расценена как вмешательство.

– Если мы выберемся, – сказала Джиллиан, – с этим придётся разбираться нам. Не родителям, не учителям, не полисменам. Только нам.

В тёмной классной комнате раздался скрип. Мы обе обернулись. Джиллиан схватила стул.

– Это я, – сказал голос. – Джиллиан, Лобастая, это я, Джон.

Он подошёл ближе. У него из-под пальто выглядывали брюки и рубашка цвета хаки.

– СПОР отменили. Из-за погоды. Я не смог сообщить об этом папе, чтобы он забрал меня раньше.

– Из-за погоды очень многое отменяют, – сказала Джиллиан. – Посмотри туда.

Снеговик снова двигался. И он был уже не один. Появились и другие снеговики, поменьше. Они собрались, как солдаты. Некоторые из них не были слеplены людьми. От стены сарая отделился снежный нанос и собрался в безногую форму, в ледяной скелет, прикрытый пушистым снегом.

– Они похожи на рыцарей в доспехах, – сказал Джон.

– Холодные Рыцари, – сказала я.

Джиллиан засмеялась и стукнула меня по плечу. Её смех был слегка надтреснутым.

– В них что, люди внутри? – спросил Джон.

– Нет, они полностью изо льда, – сказала я.

Холодные рыцари осмотрели погибших, мистера Оукхёрста и парней.

– Что происходит? – спросил Джон. Он смотрел на меня, рассчитывая, что я знаю ответ. – Это ненормально, – сказал он.

– И я тоже ненормальная? Поэтому я должна *знать*?

– Нет, Лоба... Сьюзен. Просто ты часто знаешь что-то необычное, что большинство людей не знают.

– И это мне говорит «Джон Марсианин». Спасибо тебе большое!

Джон расстроился. Не надо было произносить его прозвище вслух. Джиллиан его постоянно «марсианином» называет, и это не важно, но от *меня* он этого не ожидал.

Всё это очень сложно. Эмоции, нелогичные реакции, кто с кем, кто кому нравится, кто кому не нравится, кто-то кого-то раньше не любил, а теперь любит. Я хотя и не односердечница, но тоже этого не избежала. Меня не покидает мысль о том, что в более рациональных мирах всё гораздо эффективнее.

Эта мысль пронзила мой мозг, словно игла.

Иногда вместе с болью бывают проблески истины. Не иносказания, а настоящая неземная актуальность. Туман на мгновение рассеивается, и я что-то вижу или вспоминаю. Очень редко это бывает что-то полезное. На самом деле это только путает ещё сильнее.

Где-то есть рациональный мир. Дедушка не хотел там жить. Был бы у меня выбор, я бы тоже не захотела. Я чувствовала привлекательность спокойствия, безмятежности, бесстрастного наблюдения, но понимала, что это не для меня.

Мои сердца бились не в унисон.

– Сьюзен... Сьюзен, что случилось?

Джон смотрел на меня широко раскрытыми глазами. У меня пекло лицо. Джиллиан била меня по щёкам.

– Ты ненадолго потеряла сознание, – сказал Джон. – Ушла в Сумеречную Зону.

Я сглотнула и извинилась.

– Это всё чересчур, – сказала я.

– Холодные рыцари куда-то маршируют, – сказал Джон.

Я выглянула в окно. Уже совсем стемнело, и на улицах загорелись фонари. Упавшая паяльная лампа продолжала гореть, отбрасывая на площадку веер оранжевого света. Снеговик уводил своё войско от здания. Они двигались синхронно, скорее как одно существо из нескольких тел, чем несколько отдельных существ. Не имея ног, они не могли идти, поэтому ползли, а иногда катились, как шары, собирая своими снежными боками камни и мусор, и вытягивая из боков ледяные щупальца.

– Чего бы я только сейчас не отдал за огнемёт, – сказал Джон.

Снеговики остановились возле ворот школы.

К воротам подъезжал автомобиль, снеговики замерли в свете его фар.

– Это папа!

Это был джип. В нём был капитан Брент и водитель.

Отец Джона выпрыгнул из джипа, бросил недовольный взгляд на холодных рыцарей, считая их всего лишь помехой, выдохнул облако пара, и потопал ногами.

– Папа, папа! – позвал Джон.

Капитан услышал, что кто-то кричит, но не сразу сообразил, откуда донёсся звук.

– Ты что там делаешь? Ты уже должен быть готов уезжать. Мы опаздываем.

– Папа, отойди от снеговиков!

Капитан Brent пересёк игровую площадку. Остановился над паяльной лампой.

– Это же опасно, чёрт возьми! – сказал он, взяв её в руки.
– Какой дурак её тут оставил?

– Папа, снеговики! Берегись их!

Капитан Brent был одновременно озадачен и разражён. Наконец, показалось, что до него дошло.

– А, понял! Первое апреля. Ха-ха, блин!

– Папа... – Джон почти плакал, пытаясь добиться от отца понимания.

Пламя паяльной лампы освещало площадку. Капитан Brent увидел тела погибших. Он огляделся по сторонам. Раздался крик.

Холодные рыцари набросились на джип. Они захлестнули водителя, как волна. Снеговики вдруг слились в живой ледник, который поднялся и обрушившийся на джип. Водитель был внутри – размытая фигура в полупрозрачной глыбе. Я не знаю, раздавило ли солдата, или он утонул, но всё случилось очень быстро.

– Пойдём, – сказала Джиллиан. – Тут опасно.

Ледяные щупальца, извиваясь, заползли в открытое окно и пульсировали, переплетаясь друг с другом.

Мы выбежали из класса, сбежали по лестнице, пробежали через вестибюль, и вышли на игровую площадку. Капитан Брент держал в руках паяльную лампу – возможно, самое полезное оружие в таких обстоятельствах, но её пламя уже угасало.

Огромный ледяной кулак, схвативший шофёра, теперь схватил весь джип и поднял его над землёй. Капот вспучился под давлением, шины лопнули, стёкла разбились, двери сломались.

Капитан Брент не знал, что сказать.

– Папа, это нападение, – объяснил Джон.

Это до него дошло.

– Вот же идиот, – крикнул он на сына. – Что ты опять натворил?

Джон такого не ожидал. За очками, в его глазах были слёзы.

– Я не виноват, – заревел он.

– Как только где-то беспорядок – ты обязательно в нём участвуешь, Джонни. Чья же это ещё вина, а? Ты сам себя превзошёл.

По щеке Джона стекла слеза.

Раздался громкий хруст. От джипа остались одни кусочки, некоторые из них торчали изо льда. Холодные рыцари вновь сформировали из общей каши человекоподобные фигуры. Теперь у большинства из них было по две негнущиеся ноги, и они могли шагать. Они были скорее худые, чем толстые.

Джиллиан посмотрела на холодных рыцарей и на папу Джона. Капитан Brent стоял неподвижно, отказываясь признавать существование ледяных существ.

– Вы сошли с ума, – сказала Джиллиан взрослому. – Совсем сбрендили.

– Не говори так о моём папе, – сказал Джон, утирая рукавом лицо.

Джиллиан закатила глаза.

Холодные рыцари шли к нам.

Нам пришлось затащить капитана в вестибюль, а затем забаррикадировать вход, придвинув к дверям тяжёлый шкаф со спортивными кубками.

От взрослого не было никакой помощи, но мешать он нам тоже не пытался. По обе стороны от дверей некоторые из окон разбились. Внутри задувало снег.

Я почувствовала покалывание и протёрла лицо. На рукавице осталась кровь. Снег был острый. Каждая снежинка была крохотным опасным лезвием.

Мы отступили из вестибюля в зал для Собраний.

– Мы очень сильно опаздываем, Джонни, – рявкнул капитан Brent. – Это никуда не годится. Мама будет сильно ругаться. И мой командир тоже.

– Заткни своего отца, – сказала Джону Джиллиан, – мне подумать нужно.

Отец Джона не мог поверить, что ребёнок так о нём говорит.

– Слушай... – возмущённо начал он.

– Я знаю, как прогнать холодных рыцарей, – сверкая глазами, перебила его Джиллиан. – Нужно сжечь школу!

Инстинктивно я обрадовалась этой идее!

– Не-а, ни за что, девочка, – сказал капитан Брент. – Общественное имущество.

Вторник, 2 апреля, 1963 г.

Мы спали в школе. Поняв, что для того, чтобы не размёрзлись трубы, нужно топить котёл всю ночь, мы взломали дверь котельной и спрятались там.

Я принесла из своей парты сумку, чтобы писать дневник.

Я всё ещё оставляю записи на будущее. Вот только я уже не уверена, что в будущем буду я. Если холодные рыцари с нами расправятся, и наступит новый ледниковый период, а все «паразиты» окажутся заморожены в ледниках, то могут пройти целые тысячелетия, прежде чем кто-нибудь найдёт эти страницы.

Здравствуйте, потомки.

Хм, слово «потомки» подразумевает наличие у меня детей, а их ведь у меня нет. Тогда так: здравствуйте, будущее.

Мы нашли себе еду, пробравшись в школьный буфет, предполагая (и я не думаю, что мистер Каркер с этим согласится), что чрезвычайная ситуация отменяет Правила. Мы наелись холодного шоколада и чипсов. Джон и Джиллиан были согласны пить газировку, но я осмелилась пройти на запретную территорию (в учительскую), нашла там электрический чайник, и заварила чай. Учительская была прокуренная. Я не нашла там ни легендарную библиотеку конфискованных журналов «Лилипут» и «Здоровье и Эффективность», ни книги Хэнка Дженсена и Денниса Уитли. Моя «Субботний вечер и воскресное утро» нашлась, причём закладка в ней была в другом месте, то есть кто-то её читал!

Чай мне нужен был не только ради вкуса, но и ради тепла. Лишь обернув пальцы вокруг горячей чашки, я смогла согреть пальцы настолько, что мне удалось проявить чудеса ловкости: развернуть маленький голубой пакетик соли и посолить чипсы.

Капитан Брент неодобрительно ворчал о «мародёрстве», но от шоколада и чая не отказался.

Папа Джона совсем сошёл с ума. Он не мог согласиться с тем, что он видел, поэтому его разум игнорировал это. Взрослые умеют так делать. А дети нет.

Джиллиан не тратит время на мысли о том, что она видела. Она сосредоточена на том, что делать дальше.

Завернувшись в одеяла из шкафа медсестры, мы спали рядом с дребезжащей, фыркающей топкой. В котельной вообще-то было слишком жарко, и спала я урывками, просыпаясь от очень ярких снов.

Мы с дедушкой убегали от *Учителей*. Пугала в мантиях и академических квадратных шапках гнались за нами по пятам. Нас запирали во всё меньших и меньших ящиках. Время замедлялось и ускорялось, пространство сворачивалось. *Правила* болели у меня в голове, как опухоль мозга. Мы никогда не были полностью пойманы, никогда не были полностью свободны. Бесконечные коридоры. Поимки и побеги. Горло охрипло от криков. Бесконечное домашнее задание. Игнорирование со стороны взрослых.

Хриплые голоса. Сжатые кулаки. Всё вокруг меня меняется.

Окровавленные вырванные сердца. Головы в корзинах.

В общем, кошмар.

Меня преследовало частичное воспоминание об одном конкретном *Учителе* – *Школьном Надзирателе*. Когда они были в одном классе, он был полной противоположностью дедушки. Один был Любимчиком *Учителя*, награждённым Золотыми звёздами, а другой – Отстающим, стоявшим в углу. *Дома о Школьном Надзирателе* были очень высокого мнения. Он хорошо одевался и знал наизусть все *Правила*.

В его рапортах были аккуратные галочки напротив выполненных пунктов. В его Будке было полно серебряных кубков, врученных ему за пунктуальность, самодисциплину, и примерное поведение.

Он был восходящей звездой, приверженцем *Правил*, желанным членом в любой команде, ему пророчили стать *Директором*. Когда дедушка сбежал, наше дело должны были передать для принятия мер *Школьному Надзирателю*. Он разыскивал нас и он не сдастся, пока нас не поймают и не накажут.

Его карьера зависела от нашей поимки, от того, что у *Правил* не будет исключений. Мы получим *Задержание*. А *Школьный Надзиратель* станет *Директором*.

Во сне я видела его лицо, любезную улыбку, чёрную бороду, сверкающие умные, холодные, холодные глаза. Я услышала его смех и на одно мгновение вспомнила всё.

Я проснулась в голубом свете. Узкие окна были покрыты инеем. Всё, что мне снилось, пропало, кроме головной боли.

Позже...

Обычно у нас главная Джиллиан.

Я сказала, что нужно пойти к дедушке, но Джиллиан не согласилась. По её словам, от взрослых не будет никакого толку. В качестве живого примера у неё есть капитан Брент.

Телефоны не работают, радио мы найти не смогли. Смотритель не пришёл открывать школу, и это как минимум решало проблему того, что нас могут наказать за взломанные замки и двери.

Ночью мне казалось, что снаружи доносятся какие-то звуки. Крики. Что-то ломалось. Шаги холодных рыцарей.

Позже...

Завтрак: снова конфеты. Надо же, как быстро может надоесть шоколад.

После того, как рассвело, мы вылезли из котельной и осторожно осмотрелись. На игровой площадке по-прежнему лежали трупы и разломанный джип, полу-засыпанные свежим снегом.

Джон больше всех переживает из-за трупов.

Я боялась, что все в городе будут мертвы, но людей вокруг ходило довольно много, даже до проводимого в девять часов утра Собрания. Многие ученики и учителя пришли как обычно, обменивались услышанными за ночь рассказами или слухами, распространявшимися по району. Говорили, что в Вест-Энде был какой-то связанный со снегом переполох. Многие не пришли. Было очевидно, что это не обычный школьный день, но большинство старались не подавать виду.

Девочки из первого и второго классов прыгали через верёвочку, как обычно. Мальчики, размахивая руками, скользили по полоскам гололёда. Некоторые опасно падали, но переломов не было.

Директор носился по всей школе, вне себя от количества испорченных окон и дверей. Правила прогибались, готовые вот-вот сломаться. Было очевидно, что в этом ущербе виновата не только погода. Здравый смысл говорил о том, что метель замки не взламывает.

Увидев капитана Брента, мистер Каркер облегчением подошёл к нему.

– Слава небесам, что есть представитель власти, – сказал он. – Что тут вообще происходит?

– Вандализм и нарушение дисциплины, – сказал капитан. – В худшем виде. Даю вам разрешение наказать моего сына «палкой». Ему это нужно, чтобы вернуться на истинный путь. Меня в школе пороли, и это мне ничем не повредило. А сейчас вседозволенность и попустительство. Все эти «сатирические» программы на Би-Би-Си поздно вечером... Вот что приводит к такому вот хаосу.

Директор заметил трупы.

– Это Оукхёрст? – спросил он.

Я посмотрела на Джиллиан и Джона. Взрослые ничем не помогут.

Снеговик стоял над трупами. В свете дня он не двигался. Сквозь просвет в тучах сверкнуло солнце. Снежное лицо невинно блеснуло, мило улыбаясь.

На снежно-белом были розовые полосы. Кровь.

– Встаньте, Оукхёрст! – крикнул мистер Каркер. – Да что же с вами такое?!

Джон полез в карман своего пальто и вынул пистолет. Я заметила, что у его отца кобура была пустая. Пока капитан Брент спал, Джон забрал его пистолет.

– Ты зачем его взял, Джонни? Верни немедленно!

Джон снял пистолет с предохранителя и взвёл затвор. Чему-то он явно научился, если не на занятиях СПОР, то читая комиксы «Коммандо».

Джон прицелился в снеговика.

– Он оживает, – сказал он и выстрелил.

Пистолет дёрнулся в его руке. На звук обернулись все.

Из туловища снеговика был выбит кусок снега. Пуля вылетела из его спины, почти не замедлившись. На кирпичной стене позади снеговика взорвался ярко-оранжевый кратер. Интересно, подумал ли Джон, что было бы, если бы за его целью кто-то стоял?

Снеговик никак не прореагировал. Он по-прежнему улыбался.

Мистер Каркер и капитан Брент — оба красные, с раскрытыми ртами — гневно смотрели на Джона.

— Он был живой, — настаивал тот.

На игровой площадке стало тихо. У меня в голове до сих пор звенел звук выстрела. Многие школьники прикрыли уши руками в варежках и прижались к стенам, чтобы не стать мишенью. Прошлой осенью, во время кризиса с ракетами на Кубе, школа была охвачена манией тренировок на случай военного нападения. Это было ещё до того, как я поступила в Коул Хилл, но Джон говорил, что скоро тренировки возобновят в связи с Чрезвычайной Ситуацией.

Я подошла ближе к холодному рыцарю, чтобы лучше рассмотреть его. Я дотронулась до снежно-ледяного туловища.

Это был просто снеговик. Вчера вечером он был совсем другой.

— Сейчас недостаточно холодно, — сказала я, думая вслух. — Ему нужен мороз. Помните, вчера на перемене, когда он в первый раз двигался, выл холодный ветер. А когда стемнело, когда они все ожили, температура была ниже нуля.

– Что это ещё за чушь? – спросил директор.

– У нас должен быть целый день, – сказала я.

– Если только днём не похолодает, – сказала Джиллиан.

– Конечно. Если только днём не похолодает. Мы это заметим – пойдёт снег.

– После Собрания вы все должны явиться ко мне в кабинет, – сказал мистер Каркер. – Чтобы получить «палку». Шесть ударов. И мне плевать, что вы девочки. Такое поведение недопустимо. Это варварство.

Джон навёл пистолет на директора.

Если бы в школах была разрешена смертная казнь, за такое нарушение дисциплины можно было бы схлопотать «обезглавливание».

– Сегодня школы не будет, – сказал Джон. – Вообще больше не будет.

Кто-то из школьников радостно закричал.

Вокруг нас собрались все ученики, и некоторые из учителей. Держать в руках пистолет – это всё равно как держать раковину в «Повелителе Мух» (мы его проходим на «Литературе»). Все обращают на тебя внимание.

– Объявляется Чрезвычайная Ситуация, – объявил Джон.

– Всем нужно вернуться домой, – сказала Джиллиан. – Пока снова не стало холодно. И оставайтесь в доме. Включите отопление на полную мощность. Если сможете, убедите родителей делать так же. Если не сможете – позаботьтесь хотя бы о себе.

Даже те, кому не нравилась Джиллиан, слушали. Все видели или слышали что-то, что их беспокоило. И впервые кто-то говорил об этом что-то здоровое.

– Это беспрецедентно, – сказал мистер Каркер. – Быстро все на Собрание!

– Люди погибли, – сказала Джиллиан. – Посмотрите.

Директор стоял над трупами, но их вид не вписывался в его картину мира. Резня – не повод нарушать расписание занятий.

– Любой, кто во время уроков покинет территорию школы, получит «задержание»!

Детей охватил ужас: «Задержание, задержание, задержание».

– Я готов задержать всю школу, – сказал мистер Каркер.

Все ахнули. Мне хотелось кричать. Почему все до сих пор воспринимали директора всерьёз? На нём же сейчас даже не было его знаков отличий, которые он надевал во время Собраний, он стоял в плаще и резиновых сапогах.

– Мне кажется, что у Джиллиан дельное предложение, мистер Каркер, – сказал один из новых учителей, молодой человек с бородой как у битников, преподаватель рисования. – Ночью в городе были бунты. На улицах полно солдат. В эфире нет ни одной радиостанции. Сегодня утром не было газет. Это похоже на начало войны.

– Вы уволены! – рявкнул директор.

– Это лучше, чем быть убитым, папаша, – ответил учитель.

– Мы должны позвонить в полицию, Джон, – немного подумав, заявила Венди Коуберн. – И в скорую помощь.

– Телефоны не работают, – сказал Джон. Он четыре года сидел в трёх партах от Венди, но это был, наверное, первый случай, когда она с ним заговорила. – Будет лучше, если вы пойдёте по домам.

Венди подумала и согласилась. Когда она пошла к воротам школы, за ней пошла вся её клика. Это создало прецедент.

– Задержание, Коуберн! – крикнул директор.

Венди, с её безупречной посещаемостью, за всё время учёбы ни разу не заработала даже «строк». Она вздрогнула, но продолжала идти, на ходу разрабатывая такой маршрут, чтобы всех развести по домам, подбирая по пути потерявшихся и опаздывающих.

И тогда все начали расходиться.

Все, кто сегодня пришёл, жили недалеко от школы, и добрались до неё пешком. Автобусы и метро, наверное, не ходили.

Мистер Каркер попытался ещё раз покомандовать, но никто его не слушал. А он всё кричал «Задержание!», а один раз даже «А тебе «палка»!»

– Идите домой, Каркер, – без злобы сказала Джиллиан.

По примеру Венди, школьники объединялись в группы, во главе которых номинально считались главными учителя, и расходились по домам. Мистер Каркер присоединился к группе детей из первого класса, и они его увели.

В конце концов мы остались одни. Я, Джиллиан, Джон. И капитан Брент.

– Джонни, – резко сказал он, глядя на своего сына и протянул руку.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза. Джон нерешительно отдал пистолет отцу.

Джиллиан вскрикнула от возмущения глупостью Джона. Капитан Брент поставил пистолет на предохранитель и спрятал его в кобуру.

С дыркой в туловище, снеговик был похож на скульптуру Генри Мура.

– Хороший выстрел, Джонни, – похвалил капитан. – Наконец-то ты набил глаз. Я знал, что СПОР выбьет из тебя мечтательность, воспитает тебя.

Джиллиан покрутила пальцем у виска.

– Я хочу вернуться домой до того, как опять стемнеет, пока опять не похолодает, – сказала я.

– Мне дома ничуть не безопаснее, чем в любом другом месте, – сказала Джиллиан.

– Тогда пойдём со мной. Вдвоём безопаснее будет.

Джиллиан задумалась. С тех пор, как я поняла, что холодные рыцари опаснее всего, когда температура опускается ниже нуля, она решила, что к моим словам иногда стоит прислушиваться. Я уже шла к воротам школы.

– Марсианин, – сказала Джиллиан, – ты идёшь или остаёшься?

Капитан Брент осматривал разрушения, цокая языком и бормоча что-то о недостойном поведении.

– Я не могу его бросить, – сказал Джон. – Он мой папа.

– Обуза, – в чувствах прошипела Джиллиан. – Бери его с собой, если иначе никак. Только решай скорее.

Я не думала, что капитан Брент согласится идти, и понимала, что если согласится, то будет обузой (а с пистолетом – опасной?). Джон тихо говорил с отцом, вначале отвлекая его от бормотания, а затем жёстко, словно отдавая приказы. Это сработало.

– Военный эскорт, – сказал капитан. – Отличная идея!

Джиллиан удивлённо развела руками.

– Ты лидер, – сказал ей Джон. – Идём.

– Она знает, куда идти, – сказала Джиллиан, имея в виду меня.

– Где ты, говоришь, живёшь? – спросил Джон.

– На Тоттерс Лэйн.

– Я знаю, где это, – сказал Джон. – Возле свалки.

– Именно на ней, – сказала я.

– Хорошая позиция, – сказал Джон. – Там можно обороняться.

– Ты живёшь *на свалке*? – спросила Джиллиан.

– Вроде того.

– А я думала, что я живу в самом худшем доме, – сказала Джиллиан.

Позже...

На автобусе от улицы Хай Стрит до школы ехать недолго, всего пять остановок. Я могу выйти из Будки в половину девятого утра, сесть на автобус на остановке возле «Помпы», и прийти в школу достаточно рано, чтобы успеть немного посплетничать перед Собранием в девять. Обычно я вообще не сажусь на автобус, а иду пешком, экономя деньги на шоколадку. Но сегодня автобусы не ходили.

Утреннее солнце пропало. Собрались тучи. Начал дуть холодный ветер.

Перед тем, как выйти из школы, Джиллиан решила вломиться в Научную Лабораторию – взлом дверей быстро входит в привычку – и «реквизировала» там небольшой термометр.

Пока столбик ртути был выше нуля, холодные рыцари будут спать. Как бы ни было пасмурно, днём в Англии редко бывал мороз.

Джон сказал, что термометра недостаточно.

– Есть ещё охлаждение ветром.

– Хорошо, умник, и как тогда будем определять, замерзает ли уже вода?

– Тогда снег пойдёт, – сказал Джон, посмотрев вверх.

Я почувствовала на лице холодные уколы.

Школа стояла вдали от магазинов, в тихом жилом квартале, рядом с парком. Во дворах всё было укрыто снегом, в парке были похожие на барханы снежные надувы. Миниатюрный пруд полностью замёрз.

Спускаясь по длинной улице Коул Хилл с её примыкающими друг к другу домами, было невозможно не замечать необычное. Разбитые окна и раскрытые двери. Подозрительные бугры под снегом. Собаки без хозяев, за которыми волочатся поводки. Кошка на автобусной остановке облизывает лицо замёрзшей женщины с открытыми глазами и сжатыми, как когти, пальцами. Перевернутые машины, у которых скапливался снег.

Снег усиливался, мы шли медленно.

Повсюду были снеговики. Некоторых слепили дети. Они были похожи на нашего: в старых шляпах, с курительными трубками, угольками-пуговицами, носами-морковками, под руки вставлены метлы. Другие были уснувшими холодными рыцарями, сгрудившимися вместе и стоявшими по стойке смирно. Они были более ледяными, более плотными, с большими прозрачными льдинами, похожими на доспехи. У некоторых было подобие лиц. У всех были бороды из сосулек. У многих они были красные.

– Похоже на армию захватчиков, – сказал Джон.

Должно быть, было начало одиннадцатого – у нас должна была заканчиваться «Религия», а потом должна была быть «Наука». Но солнца уже не было. Высоко над нами кружились и уплотнялись тучи.

Джиллиан всё время трясла термометром.

Ветер жёг моё лицо, как крапива. Он дул нам навстречу. Выпавший ночью снег поднимало в воздух и кидало нам в лица. Туфли у меня обмёрзли, юбка и носки промокли. Колени были синие от холода, пальцы на ногах уже болели.

Хорошо, хоть пальто было тёплое. Руки я, не снимая варежек, держала в карманах. Поверх одежды, словно пончо, на мне по-прежнему висел выданный мистером Оукхёрстом плащ. Это означало присвоение себе школьного имущества.

– Мне кажется, что мы не сможем дойти за один раз, – сказала я.

Мы обернулись – школу всё ещё было видно. Наши следы в снегу постепенно засыпало.

– Что за глупости, Сьюзен, – сказала Джиллиан. – Подумаешь, небольшой снегопад.

У капитана Брента были ледяные усы и белые брови.

Мы шли дальше, с трудом двигаясь по улице, по которой обычно ездило много машин.

На пропускном пункте стояли четверо солдат в полярной одежде – меховых парках и унтах. Они разожгли костёр в бочке, словно собирались жарить каштаны. По дороге, осторожно объезжая засыпанные снегом машины, ехал броневик.

Один из солдат отдал капитану Бренту честь.

– Вольно, – ответил тот. – Я был отрезан. Какова ситуация?

Капрал – прыщавый парень – не знал, что сказать.

– Нам сказали стоять на этом посту, сэр. Вчера. После инцидента на площади Пикадилли.

– Инцидента?

– Что-то вроде ледяной бури, сэр. Говорят, это было похоже на живой ледник. Много жертв. Большую часть взвода отправили туда, в качестве подкрепления. А затем

начали приходить сообщения со всего Лондона. Примерно то же самое. Полная неразбериха. У нас есть приказ бороться с мародёрами и бунтовщиками, но связь пропала. Только свист в эфире. Лейтенант Перкинс дал нам разрешение пользоваться боевыми патронами и ушёл в штаб за новыми приказами.

– Смотался просто, – пробурчал кто-то.

– Мы контролируем этот участок, – сказал прыщавый капрал, – но за всю ночь были лишь пара ложных тревог.

Солдаты, наверно, сгрудились вокруг огня в то время, когда холодные рыцари убивали людей на улице Коул Хилл.

– Нас должны были сменить в три часа ночи, – сказал капрал.

– Вы пришли снять пост, сэр? – спросил другой солдат, рядовой. – У нас тут даже чая нет.

Джон, Джиллиан, и я встали вокруг бочки с огнём и грели руки над углями, пытаюсь приблизиться к раскалённому металлу, но в то же время не обжечься.

– Это что, какие-то учения, сэр? – спросил капрал. – Это же не война?

– У меня сегодня должен был быть выходной, – сказал рядовой.

– Полагаю, все выходные отменены, – сказал капитан.

Раздалось недовольное ворчание.

– Чай отменяется, – сказала Джиллиан. – Армия отменяется.

Капрал Прыщ выпучил на неё глаза:

– Не говорите глупостей, мисс. Слушайтесь офицера. Он знает, что к чему. Простите, сэр, но некоторые дети...

Капитан Брент снисходительно улыбнулся. Его щёки посинели от холода.

– С папой лучше не говорить, капрал, – сказал Джон.

Крупными хлопьями пошёл мокрый снег. Сквозь рёв ветра доносился какой-то звук. Я развернулась и посмотрела вверх по улице, в сторону школы.

– Ни фиги себе! – сказала Джиллиан.

По дороге вниз, строем катились три снежных кома, набирая на себя снег и грязь. Они были авангардом целой лавины, целеустремлённо двигавшейся в нашу сторону снежной стены.

Комья росли всё больше. Катящийся во главе ком с торчащими из боков ледяными шипами обогнул застрявшую машину, но лавина на препятствия внимания не обращала. Мужчина, выходявший в этот момент из дома, попал по неё, его затянуло в снежный ком. Несколько раз его руки и ноги мелькнули, а потом исчезли.

Мы все убежали с дороги, бросив пропускной пункт. Лавина налетела на него, разнесла деревянный барьер в щепки, перевернула бочку с огнём и мгновенно затушила угли. Один из солдат, непривычный к зимней одежде, споткнулся. На него обрушился снег.

Лавина ревела, как тысяча львов, вышвыривая из себя кривые куски льда. Когда закончился спуск, она не рассыпалась веером по улице, а *повернула* вслед за комьями и погналась за броневином. Я увидела, как ледяные клинки

сильно исцарапали металл, а затем броневи́к засыпало. В этом снежном вихре застрочил пулемёт.

Мы все бросились на землю. Капрал Прыщи не успел это сделать. Пули сбили его с ног и разорвали его. Огонь своих. (Хотела бы я этого не видеть, но теперь уже ничего не изменишь.)

У меня от холода и грохота болели уши. Я заметила, что крепко сжимаю руку Джона. Мы втиснулись между вкопанным бетонным мусорным баком и красной телефонной будкой. Будка была почти до самого верха наполнена мягким белым снегом. Изнутри к стеклу прижималась бледная человеческая рука.

Джиллиан попыталась помочь капитану Бренту встать.

Двое солдат побежали в снежную бурю. Мне показалось, что я слышу крики.

Три снежных кома, каждый высотой примерно как пони, неторопливо выкатились из бури, которая уже почти улеглась на обломках броневи́ка. Первый двинулся к Джиллиан и капитану и остановился, а его товарищи бросились их окружать. Внутри кома что-то двинулось, и на его поверхности появилась улыбка.

Улыбка из коры, которую сделала я.

— Это наш снеговик, — сказала я.

Отец Джона достал пистолет и выстрелил в ком. В этот раз пуля проткнула его, как длинный палец. Пробитый ею тоннель тут же заполнился.

Я встала, помогла встать Джону, и мы побежали к Джиллиан и капитану Бренту.

Комья остановились, поднялись, словно тесто, и образовали холодных рыцарей.

Джиллиан держала перед собой термометр, словно это был какой-то амулет, защищающий от зла. Внезапно её подняло вверх. Я закричала. Но Джиллиан оторвали от земли не холодные рыцари. Это капитан Брент схватил её за талию и поднял её над снежной массой.

Он швырнул Джиллиан вверх. В воздухе мелькнули её руки и ноги. Она вылетела из окружения, но льдины сомкнулись на капитане, разлетевшись на мелкие осколки, измазанные кровью. Отец Джона упал (Джон так сжал мою руку, что я чуть не вскрикнула) ещё до того, как приземлилась Джиллиан. Мы с Джоном попытались её поймать, но вместо этого она просто врезалась в нас.

Мы свалились кучей и не сразу смогли встать.

На капитана Брента навалилось ещё больше холодных рыцарей. Он неестественно согнулся пополам. Его руки продолжали размахивать, но только от ударов нападавших. Холодные рыцари продолжали толпиться вокруг него, обрушивая льдины.

– Папа! – крикнул Джон.

– Пойдём отсюда, Джон, – тихо сказала ему на ухо Джиллиан.

– Но...

– Нет времени.

Они оба были шокированы тем, что сделал капитан Брент, и тем, что с ним случилось. Джиллиан умела быстро

успокоиться, прожить критические минуты, а обдумать случившееся позже, или вообще никогда.

Я знала, что у неё уже много такого накопилось, что рано или поздно оно вырвется наружу.

Джон нуждался в помощи. Мир стал для него не таким, каким он его себе представлял раньше, даже сегодня утром. В его мире больше не было его отца.

Мы бежали по улице прочь оттуда.

Позже...

Пробежав треть улицы Хай Стрит, мы остановились. Буря швыряла в нас вихрями острых, как алмазы, снежинок, маленьких метательных звёздочек. Я больше не чувствовала ни ступни ног, ни руки, ни лицо, лишь лёгкое покалывание, которое, как я была уверена, было первым симптомом сильного обморожения. Мы топтались почти на месте, продвигаясь чуть ли не по сантиметру, наклонившись навстречу метели, а затем, из-за порывов ветра, скользили обратно по бороздам, которые мы же сами и проложили в плотном снегу. С трудом удавалось не дать ветру опрокинуть нас.

Мы смотрели по сторонам в поиске какого-нибудь укрытия.

– «Вимпи-бар», – перекрикивая рёв ветра, показала рукой Джиллиан.

Я вспомнила это заведение и увидела под белым покровом его красную вывеску. Это был ресторан с гамбургерами, в американском стиле, названный в честь персонажа мультфильмов о матросе Попае, которые так любит Малколм. «Вимпи-бары» открывались по всему городу, приходя на смену забегаловкам «Гэфф и Лайонс» с их недомытыми ложками. Внутри в них всё было из яркого пластика, включая форму официанток и тюбики кетчупа в виде помидоров.

Чтобы пересечь тротуар, нам пришлось взяться за руки и брести сквозь снег.

Джиллиан навалилась на дверь плечом, но нам с Джоном пришлось ей помочь. Мы ввалились в ресторан. Внезапное прекращение метели и рёва было для нас шоком. Покалывание кожи у меня стало сильнее, перерастало в жжение. Я боялась, что через несколько минут моё лицо превратится в свисающие красные лоскуты.

Я думала, что день уже подходил к концу, и уже почти наступила ночь, но часы показывали лишь чуть больше двенадцати.

– Дети, – встревоженно сказал мужской голос при нашем появлении.

– Здесь больше нет места, – сказал другой голос. – Это наше место. Тут хорошо. Есть еда.

– Закройте за собой дверь, – сказал первый голос. – Вы что, в конюшне выросли?

Чтобы пересилить снег, нам пришлось толкать дверь втроём. Никто не подошёл к нам помочь.

В кафе было темно, лампы не горели, большое окно на улицу было засыпано снегом. Мои глаза приспособились к такому освещению.

Возле стойки сгрудились несколько человек.

– Сьюзен! Сьюзен! – сказал тонкий голосок.

Маленький человечек подбежал ко мне и бросился на шею, целуя моё лицо. Я немного покачнулась, но не упала.

Это был Малколм.

– Я заблудился, Сьюзен, – сказал он. – Когда в школу шёл.

Я обняла его и поцеловала. Гонка-ковбоя я тоже обняла и поцеловала. Я поняла, что плачу. До этого боялась даже думать о том, что случилось с Малколмом.

– У тебя лицо красное, – сказал он.

– Ну, спасибо, – ответила я, изображая обиду.

Он промокнул бумажной салфеткой снег и слёзы на моих щеках. Я снова подумала о том, как я сейчас выгляжу, и решила, что не хочу этого знать. После того, как Малколм протёр мне лицо, я снова начала ощущать кожу.

– Это жених Лобастой, – сказала Джиллиан.

Ну и пускай дразнятся. Я опустила Малколма на пол. Мокрым рукавом я смахнула льдинки с волос.

– Сосульки ранят, – сказал Малколм. – Смотри, я поцарапался.

У него на запястьях были красные линии. Не глубокие, но смотрелось неприятно.

– Но я был храбрый.

– Конечно, ты храбрый, Малколм, – сказала я. – Твоя мама будет гордиться тобой.

Внезапно я забеспокоилась о маме Малколма. Когда это всё закончится (закончится ли?), будет очень большой список погибших. Я прижала к себе Малколма так же крепко, как он прижимал Гонка-ковбоя.

– Я знаю этих девочек, Генри, – сказала женщина, считавшая, что для нас там нет места. – Очень испорченные. Помнишь, я рассказывала тебе о них в субботу вечером? Красятся уже, в их-то возрасте!

Я не сразу узнала статную женщину в пальто с меховым воротником и лиловых перчатках. Это была миссис Хей из молодёжного клуба, а рядом с ней стоял её муж. Седые волосы викария были похожи на растрёпанное гнездо, в котором лежало красное яйцо-лысина. Одно из стёкол его очков треснуло.

– Я тоже их знаю, – сказал ещё кто-то. – В «Помпе» их видел.

Это был Зак из «Ребят Сверх-тонников». Вся прошлая суббота напомнила о себе.

Зак был по-прежнему в чёрной кожаной куртке и в перчатках мотоциклиста, но сегодня он выглядел моложе, не таким страшным. И он был один.

– О, это ты, – простонала Джиллиан. – От тебя не спрячешься.

– Если бы я мог выбрать, какие ангелы возникнут из снега, – сказал он Джиллиан, – я бы выбрал Бриджит Бардо, а не вас.

– Сарказм – низшая форма комедии, Флэш.

– Ты явно не видела фильмов Нормана Уиздома¹³.

Меня поразило, что Зак и Джиллиан *нравятся* друг другу. Даже посреди этой метели они нашли время для каких-то чувств, помимо страха.

Были там и незнакомые лица: официантка в униформе «Вимпи», со светловолосой высокой причёской-ульем, и

¹³ Русскоязычным людям он может быть известен как создатель образа мистера Питкина.

полицмен без шлема, у которого рука висела на импровизированной повязке.

Хейи, похоже, тут командовали.

Все они явно прошли через какие-то *приключения*, которые изменили и их, и то, каким они видели мир. Или же просто дали им оправдание, чтобы вести себя так, как им всегда хотелось.

– Констебль, – приказала миссис Хей. – Выставьте это хулиганье вон!

Полицмен никак не прореагировал на её слова. В глазах у него была пустота. Я узнала симптомы военного невроза. Из всех присутствовавших ему досталось больше всего. За исключением, быть может, Джона.

– Если тут кому-то и быть главным, то мне, – сказала официантка, женщина чуть старше шестиклассницы. В руке она, словно символ своей власти, держала нож для резки хлеба. – И я говорю, что они могут оставаться.

– Вы здесь всего лишь работаете, девушка. Я тут так часто обедаю, что потратила тут больше денег, чем вам платят.

– Это уж точно, – сказал Зак.

У миссис Хей в руках был шампур. Я представила себе её и официантку фехтующими, как Робин Гуд и Шериф Ноттингемский.

– А тут холодно, – сказала Джиллиан, глядя на термометр, словно не веря своему телу. Она выдохнула, и образовалось облачко пара. – Так не должно быть.

– Электричества нет, – сказала официантка.

– Просто где-то провод оборвался, – сказал мистер Хей. – Скоро починят. Кто-нибудь позвонит, и сообщит об обрыве.

– Не думаю, – сказала Джиллиан.

– Что это она несёт? – сказала жена викария. – Противная девчонка.

– Нельзя так с людьми разговаривать, – сказала официантка.

– Я плачу налоги и имею право говорить всё, что хочу. Это вам свободная страна, а не Россия.

– А погода у нас сейчас как у них, – сказал Зак. – Девочки, вы тогда так и не представились.

– Сьюзен, – назвалась я, – а это Джон и Джиллиан.

– Джиллиан, – сказал Зак, – хорошее имя.

– Не затаскай его, – сказала Джиллиан.

– Это Долли, – сказал Зак, представляя официантку. – А Малка и Хейев вы, похоже, знаете.

– Если хотите поесть, – сказала Долли, – есть булочки. И кетчуп в вон тех пластмассовых помидорах. Гамбургеры и чипсы тоже есть, но они в морозилке, а размораживать сейчас их нечем.

– Миссис Хей предлагает сосать бургеры как леденцы, – сказал Зак. – Может быть, и до этого дойдёт.

Джиллиан порылась за стойкой, потом пошла обыскивать кухню.

– Ничего тут не трогайте, девушка, – сказала миссис Хей.

– Да заткнитесь вы, – сказала Долли.

– Да что бы я...

– Хотите сказать «хоть раз на чай оставила»? Это точно.

– Вам платят достаточно. Не понимаю, почему я должна что-то доплачивать за то, что вы неохотно выполняете свои обязанности.

– Значит, подаяния в церкви вы по воскресеньям не собираете?

– Это не одно и то же.

– Перестаньте спорить, – тихо сказал Малколм.

Странно, но взрослые замолчали.

В Малколме была тихая сила. Он не часто злился или боялся, он просто замыкался в себе, и переживал трудность. Он привык к тому, что люди относились к нему как к чужому, и научился пользоваться этим.

У него было чему поучиться.

– Эврика! – сказала Джиллиан.

В шкафу с моющими средствами она нашла полку с комбинезонами. Она кинула один из них мне, а затем сняла с себя плащ, пальто, туфли, и, не снимая юбки, надела комбинезон, застегнула его, и снова надела туфли, пальто, и плащ. В этой странной одежде она стала похожа на толстого клоуна. Схожесть была особенно сильной из-за того, что от холода у неё покраснели нос и щёки.

Зак попытался присвистнуть, но у него не получилось.

– Неприлично молодой девушке так одеваться, – сказала миссис Хей. – Из какой вы школы? Я напишу письмо директору. Почему вы не на уроках?

– Юбки для такой погоды не годятся, – сказала я.

Я отпустила Малколма и тоже переоделась. Я потёрла ткань поверх икр ног и коленей, чтобы отогреть их.

Джон засмеялся.

– Не самый стильный прикид, – сказал он. – Ты прямо как Дочь Скотта в Антарктике.

Он впервые заговорил после того, что случилось с его отцом.

– А что там происходит? – спросила Долли. – Город что, с ума сошёл? Вчера вечером в новостях говорили что-то о площади Пикадилли. Что-то о разбушевавшемся ледяном чудовище... Люди подумали, что это Би-Би-Си так пошутила на первое апреля, как когда-то о макаронных деревьях. А затем радио вообще пропало.

– Это Суд Божий, – сказал мистер Хей. – Мы наказаны за наши грехи. Мы нарушили заветы, и Господь низверг на нас огонь и лёд.

– Не видел я никакого огня, – сказал Зак. – Нам бы он сейчас не помешал.

– Можете ухмыляться, – сказал мистер Хей, – но вам нужно посмотреть на себя со стороны и задуматься о своей душе.

– Это из-за таких, как вы, – сказала его жена, – на нас обрушился гнев Господень. Оторвы, вандалы, варвары, дикари, язычники!

– Слушайте, да, я езжу на мотоцикле, – раздражённо сказал Зак. – Но это ещё не значит, что я какой-то Атилла-Варвар. Я свои деньги честно зарабатываю и так же, как и вы, плачу в фонд государственного страхования.

– Всё это имеет за собой причину, – сказал викарий.

Меня беспокоило, что в этом-то он как раз мог быть прав.

Позже...

– Он сошёл с ума, – сказала Джиллиан. – Папа Джона. Вот почему он так поступил. Он не понимал, что делает. Ты сама видела.

Мы с Джиллиан были наедине, вдали от столов, искали что-нибудь полезное.

– Он спас тебе жизнь, – сказала я.

Это злило Джиллиан. Она не понимала.

– Зачем папе Джона спасать жизнь *мне*? Я для него никто.

– Долг? – предположила я. – Он был военным.

Она покачала головой:

– Мой отец никогда бы... – она не закончила предложение. – Как думаешь, Марсианину станет легче?

Глаза у неё были большие и заплаканные. Иногда так легко забыть, что она тоже ребёнок. Она не более взрослая, чем любой из нас.

– Его жизнь никогда не станет прежней, – сказала я. – Но он будет жить дальше.

– Зачем нам жить дальше?

– Потому что иначе то, что сделал его отец, будет напрасным.

– Мне холодно, Сьюзен.

– Мне тоже.

Позже...

Вначале мы думали прятаться в «Вимпи-баре» пока не стихнет метель или пока мы не восстановим силы, а затем идти дальше по Хай Стрит. Но метель и не думала прекращаться, и стало ясно, что наше убежище не сможет защищать нас долго. В толстом оконном стекле появилась длинная трещина. Медленно, но верно под дверь заползала блестящая ледяная пластина.

– Нужно уходить отсюда, – сказала я Джиллиан и Джону.
– И быстрее.

– А у вас есть куда идти? – спросил Зак.

– К дедушке Сьюзен, – объяснила Джиллиан.

Зак удивлённо поднял брови.

– Он может помочь, – сказала я, сама не веря в свои слова.

Выпал кусок оконного стекла, и внутрь посыпался снег.

– Я пойду с вами, – сказала Долли. – Малколма нужно отсюда увести. Ему будет опасно оставаться с *ними*, – Долли кивнула на Хейев.

– Вам нельзя уходить, – сказала миссис Хей. – Вы на работе. Я всё ещё не получил свой вимпибургер с чипсами.

– Сказала бы я вам, что вам сделать со своими вимпибургером и чипсами, но не стану, раз уж мы в таких необычных обстоятельствах.

Долли надела пальто и обернула свою башню обесцвеченных волос косынкой.

Я сняла с себя шарф и надела его на Малколма, подоткнув вокруг груди и ног, а Ковбоя Гонка засунула ему под свитер на груди.

А я обойдусь своим пальто и комбинезоном «Вимпи».

– Мы должны помолиться, – сказал мистер Хей. – Об избавлении.

– Если хотите, можете молиться, – сказала Джиллиан. – Хуже от этого не станет.

– Есть путь к Спасению, – сказала миссис Хей. – Мы это уже обсуждали, и сейчас настал момент. Нам нужно искоренить ту часть нашего общества, которая так оскорбила Господа, что он ниспослал на нас свой Суд.

В руках у жены викария был нож для хлеба. Долли отложила его в сторону, когда завязывала шарф.

Миссис Хей прижала к себе Малколма и занесла над его горлом нож.

– Это молодые во всём виноваты, – крикнула она.

– Со своей языческой музыкой, неуважительным поведением, провоцирующей одеждой, мятежными настроениями, – объяснил викарий. – Мы же воевали ради вас! Вы должны быть благодарны за это.

– Этот Суд из-за вас!

Я не знаю, что они думали. Это была обычная игра взрослых «А Давай Представим, Что...», правила которой молодые не знали.

– Мне кажется, что вам нужно успокоиться, миссис Хей, – сказал Зак. – Не стоит вам делать ничего такого, о чём вы потом будете сожалеть.

Зубчатое лезвие ножа прижалось к коже Малколма. Он был хорошенький маленький мальчик, никакого не неряха. Руками он обхватил спрятанного под одеждой Ковбоя Гонка.

– Этот ребёнок – страх Господень, неверующий...

– Семья Малколма – граждане Британии, – сказала Долли. – Как и вы.

Миссис Хей подняла глаза к потолку, замахнулась ножом и сказала:

– Тебе, о Господи, жертвую я этого...

Долли схватила бутылку с горчицей и брызнула женщине в лицо. Ярко-жёлтая струя попала ей в глаза.

Зак тащил Малколма от неё. Она взмахнула ножом и воткнула его Малколму в грудь.

Я закричала.

Зак вырвал у неё Малколма. Нож вышел из его груди.

Миссис Хей снова взмахнула ножом, проскребя им по рукаву кожаной куртки Зака. Лезвие поцарапало, но не разрезало кожу, а затем так проскрипело по змейке, что у меня свело зубы.

Миссис Хей снова замахнулась.

– Бросьте, – сказал Зак, взмахнув своей выкидушкой.

Миссис Хей выронила нож, не успев разглядеть, что Зак угрожает ей расчёской. Долли ногой отбросила нож в угол.

Я схватила Малколма, и начала сжимать разрыв на плаще.

Он трясся:

– Она ранила Ковбоя Гонка!

Я вынула игрушку. В ткани был разрез, из глаза куклы торчала белая набивка.

Малколм смотрел на своего любимого гонка, нижняя губа у него тряслась, на глазах были слёзы.

– С Ковбоем Гонком всё хорошо, Малколм, – сказала я, надеясь, что он не расплачется. – Это легко починится, всё починим. Несколько стежков, и он будет как новый.

– Сьюз права, Малк, – сказал Зак. – Ковбой Гонк поправится. Послушай его.

Малколм наострил уши, как щенок.

– Я цел, партнёр, – сказал Зак боком рта. – Я точно тебе говорю. Мотаем из этого салуна, отправимся в Ларедо!

Малколм удивлённо засмеялся.

– Так, хватит, – сказала Джиллиан. – Уходим отсюда.

Мы начали отворачивать воротники, натягивать шапки, заворачиваться в шарфы.

Я с трудом открыла дверь, вздрогнув от порыва ледяного ветра, и держала её открытой, пока не вышли Зак, Долли с Малколмом, и Джиллиан с Джоном. Затем я взглянула на Хейев. Миссис Хей была похожа на хищную птицу, у которой отобрали добычу.

– Не уходи, детка, – умоляющим голосом сказал викарий. – Помолись с нами.

Мне стало плохо. Оказавшись в непривычных обстоятельствах, эти люди делали то, чего никто от них не ожидал. То же можно было сказать и об отце Джона.

– С нами всё будет хорошо, Генри. С нами есть полисмен.

Я вышла из ресторана и присоединилась к остальным.

Видимости почти не было. Метель стала даже сильнее.

Зак нашёл в сугробе свой мотоцикл, раздавленный льдом, с погнутыми колёсами. Он отлил бензина в бутылку из-под молока и заткнул её горлышко шарфом.

– На всякий случай, – сказал он.

Было так холодно, что бензин начал разделяться на фракции, образуя несколько слоёв разного цвета.

– Куда идти? – спросила Джиллиан.

Я не сразу смогла сориентироваться. Не было никаких узнаваемых ориентиров. Но я помнила, на какой стороне улицы был «Вимпи-Бар». Я указала вперёд, навстречу ветру. Мы опустили головы и побрели туда.

Некоторым людям, наверное, пришла в голову та же мысль, что и Джиллиан в школе: они подожгли здания, чтобы не подпускать холодных рыцарей. Витрина магазина отоваривания купонов «Green Shield» была разбита. Товары на ней расплавились или почернели. Пламя бушевало недостаточно долго, чтобы сжечь всё здание или перекинуться на соседний магазин. На обгорелых обломках уже скапливался снег.

– Холодильник никому не нужен? – спросил Зак. – Обычно на него нужно собирать 58 книг купонов.

Никто не проявил интереса.

Мы шли пешком против ветра.

В обычное время, даже в самую плохую погоду, от «Вимпи-бара» до Тоттерс Лэйн можно дойти за десять минут.

И это учитывая время на то, чтобы зайти в газетный киоск и купить у мамы Малколма конфеты и журнал. Сегодня это был двухчасовой марш-бросок.

Я проверила газетный киоск. Он был заперт.

— Твоя мама, наверное, дома осталась, — сказала я Малколму.

Позже...

После киоска мы подошли к железнодорожному мосту. С него, полностью перекрывая дорогу, свисал занавес из прозрачного льда. Во льду были люди, словно большие насекомые в янтаре. Огромные лица на поверхности льда медленно превратились в насмехающиеся маски.

– Нам придётся пойти через платформу, – сказала Джиллиан.

– У нас нет билетов, – серьёзно возразил Малколм.

– Думаю, что в этот раз нас и так пропустят, – сказала ему я. – Вряд ли там можно сесть на поезд.

– Не думаю, что поезда ходят, партнёр, – сказал Зак.

– А как насчёт поездов-призраков? – спросил Джон.

Лестница на платформу была внутри вокзала. Мы прошли через безлюдный пункт проверки билетов и осмотрелись вокруг, наслаждаясь временной защитой от ветра. Кто-то разбил стекло кассы. Выпотрошенный кассовый аппарат валялся на полу.

– Чёртова безнаказанность, – сказала Долли. – От некоторых людей одни разочарования. Надеюсь, эти копейки примёрзли к их рукам.

Когда я проходила мимо автоматических весов, они внезапно ожили. Может быть, Холод пробрался в их механизм? Они зациклились на фразе «шестьдесят пять килограмм восемьсот грамм». От их резкого металлического голоса у меня мурашки по коже бегали.

– Идём уже дальше, Лобастая, – сказал Джон. – Они тебе ничего плохого не сделают.

Я согласилась. Но что-то в этом металлическом голосе задевало ту часть меня, которая была скрыта в моей голове туманом. Я отключила эти мысли.

Ступени лестницы обледенели, но снега на них почти не было.

Впереди шёл Зак. Я вела за руку Малколма.

Мы вышли на платформу. Небо было однородным, светло-серым, без единого признака солнца. Глядя на противоположную платформу, сложно было поверить, что между ними полутораметровая траншея для железнодорожных путей. Там лежал гладкий нетронутый снег. В зале ожидания за дальней платформой надуло сугробы до потолка. Я заметила в снегу шляпу-котелок.

– Снеговик шляпу потерял, – сказал Малколм.

– Да, – согласилась я. – Наверное.

– А снеговики простуживаются?

– Нет, партнёр, – сказал Зак, показывая свой коктейль Молотова. – Они боятся перегрева.

Джон нерешительно подошёл к тому месту, где должен был быть край платформы, выставил вперёд ногу, и медленно перенёс на неё вес. Нога не проваливалась.

– Мы можем пройти напрямик, – сказал он. – Не нужно идти к переходу.

Пешеходный переход в конце платформы тоже был под полутораметровым слоем снега.

Зака и Джиллиан это предложение не обрадовало. Зак нашёл тяжёлое ведро с замёрзшим песком и кинул его в сторону рельс. Оно воткнулось в снег, но не провалилось.

– Ладно, – сказал он. – Идёмте.

Это было всё равно как идти по замёрзшему озеру, не зная, толстый ли лёд, или всего лишь хрупкая корочка. По одному и по двое мы переходили железнодорожные пути.

Джон, идя впереди, угодил в зыбкое место. Чавкнув, его нога ушла в снег по колено. У меня сердца сжались. Джон быстро выдернул ногу.

– Снег в носок попал, – пожаловался он.

– Могло быть и хуже, Марсианин, – сказал Зак.

– Хорошо так говорить, когда у тебя в носках нет снега.

– Идёмте, детки, – резко сказала Джиллиан. – Хватит ссориться.

Джон отряхнул ногу и поковылял к платформе. Он сел на скамейку и стал рассматривать замёрзшую ступню.

Зак взял на руки Малколма и перенёс его.

Мы все добрались до другой стороны.

– Хвала Господу! – сказала Долли.

В тот же момент из заснеженного зала ожидания возникли холодные рыцари и набросились на неё. Теперь они были быстрые, похожие на призраков в белых саванах. Долли подняло в воздух, вокруг неё вились ледяные верёвки. Она была скорее удивлена, чем напугана.

Я прижала Малколма лицом к себе, чтобы он не видел этого. Джон вскочил со скамейки и отбежал в сторону, уворачиваясь от белых щупалец.

Рыцари, гораздо более массивные и не такие неуклюжие, как те, которых мы видели прошлой ночью, почти мгновенно раздавили Долли – окружили её льдом и сжали, как апельсин, пока не потекло красное – и двинулись на нас, бросив то, что от неё осталось.

У нас не было времени ни сделать что-нибудь, ни помочь, ни закричать.

Холодные рыцари были между нами и ступенями, ведущими на Хай Стрит. Бросив тело Долли, как надоевшую игрушку, они заполнили всю платформу, снова превратившись в солдат.

Позади нас, на железнодорожных путях, сугробы оживали и вставали в виде снежных сгустков, из которых торчали ледяные шипы.

Мы оказались между этими сугробами и рыцарями.

– Жги их, Флэш! – закричала Джиллиан.

Зак чиркал зажигалкой раз десять, пока она дала пламя, затем поднёс её к своему коктейлю Молотова. Он хорошо его взболтал, чтобы слои горючего перемешались, и швырнул бутылку. Описав дугу, с развевающимся, как знамя, горящим фитилём, бутылка разбилась об холодного рыцаря, стоявшего между нами и лестницей.

Огненный саван мгновенно расплавил голову и руки рыцаря. Снег испарился, и ледяная сердцевина сжалась в считанные секунды, растекаясь лужей. Горящий бензин разъедал тело рыцаря, как кислота бумажный цветок. На платформе образовался кружок голого серого асфальта.

Это ненадолго.

Я схватила Малколма и побежала. Сугробы и рыцари направились за нами, объединяясь в один огромный, грохочущий ледник.

Мы все забежали на узкую лестницу, а ледник налетел позади нас на огораживавшую её кирпичную стену. Я поскользнулась и упала, стараясь как бы обернуть собой Малколма. Зак тоже не удержался на ногах. Мы катились вниз по лестнице, а вокруг нас сыпались снег и лёд. Катясь по ступеням, я заработала немало шишек.

Я неуклюже приземлилась внизу.

Кто-то... Джон... взял меня за руку и поднял. Мы побежали прочь от вокзала.

Позже...

Солдат на улицах больше нет. Муниципалитет не расчищает снег. Нет ни полисменов, ни почтальонов, ни молочников, ни мусорщиков. Из забаррикадированных окон верхних этажей выглядывают люди; они одеты тепло, но выходить не решаются. Давно уже не использовавшиеся дымоходы выпускали в серое небо густой дым. Всё, что попадалось под руку, сжигалось в печах, оставшихся ещё со времён до Акта о Чистом Воздухе¹⁴.

Не знаю, долго ли ещё будут в безопасности те, кто был в домах. Повсюду есть снег и лёд, а значит, могут быть и холодные рыцари. Рано или поздно снова наступит ночь, и температура упадёт намного ниже нуля. Тогда нас всех может ждать «обезглавливание».

Днём, когда температура чуть выше нуля, холодные рыцари похожи на отдельных солдат; ночью, когда вся вода становится льдом, они действуют согласованно, как одно существо, как единый враждебный разум — живой, думающий, злобный ледник.

Джиллиан всё ещё сомневается в том, что от дедушки будет польза, но ей нужно что-то делать, за что-то бороться. Она не даёт нам останавливаться, настроена решительно, отказывается пасовать перед преградами. Джон взял у меня

¹⁴ Акт был принят Парламентом Великобритании в 1956 году и предусматривал ряд мероприятий по борьбе со смогом.

Малколма и несёт его. Джону легче от того, что есть о ком заботиться.

У меня перед глазами всё время лицо Долли, её приоткрытый от удивления рот.

Холодным рыцарям не нужно было гнаться за нами от вокзала. Они могли возникнуть где угодно.

Позже...

Мы прошли мимо трёх снеговиков возле Военного Мемориала. Их замёрзшие головы повернулись, не сводя с нас своих морковок. На одном из них был надет огромный шотландский берет.

Когда это закончится, если оно закончится, я обещаю, обещаю, обещаю никогда больше не лепить снеговиков.

На повороте на Тоттерс Лэйн был шестиметровый снежный занос. Над ним торчали верхушки уличных фонарей.

– Я так понимаю, что нам нужно перебраться через него, – сказал Зак.

Он поставил ногу на склон снежного холма. Нога провалилась почти по колено. Здесь снег был более рыхлый, чем на железной дороге.

– Когда нужны теннисные ракетки, никогда их под рукой не бывает, – сказал Зак.

Рассыпчатый снег начал замыкаться вокруг ноги Зака, превращаясь в ледяной капкан.

Он быстро потянул ногу назад, но ботинок застрял.

– Там зубы растут, – сказал он.

Я присела рядом и увидела, что он прав. Треугольные ледяные клинья впивались в кожу мотоциклетной обуви.

– Дай мне свою зажигалку, – сказала я.

Он протянул мне «Ронсон». Я отбросила крышку и нажала на кнопку. В этот раз пламя появилось быстро. Я

позволила ему вырасти на два-три сантиметра и провела им по ботинку Зака.

Ледяные челюсти немного оплавилась и Зак смог освободить ногу.

– Спасибо, Сьюз, – сказал он.

Я вернула ему зажигалку. Он потряс ею – бензина больше не было.

– Всё равно пора уже бросать курить, – сказал он.

Мы посмотрели на стоявшую перед нами снежную стену. Словно смеясь с нас, в ней открывались и захлопывались похожие на рты капканы.

– Это что, шутка такая? – сказал Зак.

Ледяные рты улыбнулись, показав неровные зубы.

– Это будет непросто, – сказала Джиллиан.

– Если нельзя пройти напрямик, через верх, или под низом, нужно обойти, – сказал Джон. – Элементарная тактика. В «Помпе» есть выходы и на Хай Стрит, и на Тоттерс Лэйн.

– Откуда ты столько знаешь о пабе? – спросила Джиллиан.

Джон покраснел и повёл нас в бар. Там было пусто и темно, на полу и на столах лежал снег.

– Ну что же, вы всё-таки удалось попасть в «Помпу», – сказал Зак мне и Джиллиан. – Разочарованы?

– Я думала, что тут будет больше красного бархата с кисточками, – сказала Джиллиан. – И картинок с толстыми голыми женщинами.

– Кто-нибудь хочет выпить? – спросил Зак. – Бренди, виски...

– Нам нужно идти дальше, – сказал Джон.

Зак зашёл за бар в поиске спиртного. Он нашёл бокалы, потянулся к бутылкам, но затем опустил руки. Ряды перевёрнутых бутылок полопались и замёрзли янтарными и зелёными каскадами, украшенными стеклянными осколками.

– А. Не выйдет, – Зак вздохнул, и его дыхание превратилось в облачко инея.

– Тут даже в здании слишком холодно, – сказала Джиллиан.

– Пока мы шли, температура падала, – сказал Джон. – Ты что, не заметила?

Я вспомнила, что рядом с нашей свалкой лёд был толще.

Мы прошли в салун. За столами сидели тела с заиндедевшими лицами.

– Снеговики, – сказал Малколм.

Дверь, на которую рассчитывал Джон, была заперта изнутри на цепь. Одно из стёкол в ней разбилось, и за ним была стена снега.

– Похоже, мы застряли, – сказал Зак.

Он начал искать не лопнувшие бутылки и трясти их, надеясь найти что-нибудь жидкое. Джон презрительно скривился.

– Не для того, чтобы пить, Марсианин, – сказал Зак. – Чтобы поджечь.

– Нельзя вот так сдаваться, – сказала Джиллиан. – Мы же уже почти пришли.

Усталые, мы с Джиллиан сели за один из столиков. Лишь остановившись, я поняла, как у меня болели руки и ноги. Я сняла варежки и начала разминать замёрзшие пальцы, пытаюсь вызвать в них хоть какое-то ощущение.

– Я хочу спросить кое-то у Сьюзен, – сказал Джон.

Джиллиан удивилась. Джон изменился, и уже, наверное, никогда не будет таким, как раньше.

– Спрашивай, Джон, – устало ответила я.

– Почему так важно добраться до твоего дедушки?

– Я думаю, что он может помочь.

– Помочь? Помочь *нам*?

– Всем помочь.

Джон снял очки. Глаза у него слезились. Он потёр нос и снова надел очки.

– Сьюзен, это Нападение, – начал он. – Это по всему городу. Может быть, даже по всей стране. Сотни, или даже тысячи людей ранены или убиты. Ты же их видела, холодных рыцарей. Откуда они? Что они такое? Они не тот Враг, которого мы опасались. Мы спешили, старались от них оторваться, и не думали о них. А теперь я бы хотел задать вопросы. Сьюзен, *что ты знаешь обо всём этом?*

Я не знала, что сказать. Я боялась, что расколуюсь, если на меня нажмут.

– Отстань от неё, Марсианин, – сказал Зак. – Она не виновата в этом. Она просто ребёнок.

Меня это обидело, но я ничего не сказала.

– Ты не знаешь Сьюзен, – сказал Джон. – Она и до этого была странной...

– Ну, спасибо тебе, – вырвалось у меня, – *Марсианин!*

– Я не с Марса. Я из Нортумберленда. А как на счёт тебя, Сьюзен? *Откуда ты?*

В голове у меня похолодело, в глаз кольнула льдинка.

– Что это за фигня, Джон? – спросила Джиллиан.

– У неё спроси.

– О чём спросить?

– Откуда она?

Джиллиан посмотрела на меня, пытаюсь понять, о чём идёт речь.

– Из космоса, – сказал Малколм. – Сьюзен – принцесса. Она сбежала из дома.

Его слышали все.

Лицо Зака растянулось в улыбке:

– Как скажешь, партнёр.

Джон не сводил с меня глаз. Джиллиан смотрела то на него, то на меня.

– Ты не могла не замечать, Джиллиан, – сказал Джон. – Она иногда словно уходит... в свои мысли, в Сумеречную Зону. Она многое *знает*. Маска спадает.

– Ты хочешь сказать, что Сьюзен – космическая принцесса?

– Нет, конечно нет. Не будь ребёнком, Джиллиан.

Джон взял стул и сел за наш столик. Он сложил руки на груди.

– Я хочу сказать, что она шпионка, – заявил он. – Этот дедушка, которого никто никогда не видел, это её контакт. Она использует нас, чтобы вернуться к нему. Жертвуя по

пути людьми. Заметь, с ней ничего не случилось. Она никого не потеряла.

– Я очень сожалею о твоём отце, Джон, – сказала я. – Правда, очень. И о Долли, и... о тех людях, обо всех. Но дедушка может изменить...

Джон пристально на меня смотрел.

– Ей четырнадцать лет, Марсианин, – сказала Джиллиан, стукнув его в плечо. – Не бывает четырнадцатилетних шпионов!

– Только в книгах Энида Блайтона, – сказал Зак.

– *Ты* читаешь Энида Блайтона? – ахнула Джиллиан.

– Своей младшей сестре, перед сном.

– Это всё очень мило, – сказал Джон, кивая на меня, – но обратите внимание, что *она* ничего не отрицает.

Между мной и остальными словно стена возникла. Прозрачная, но непроницаемая. Джон не сводил с меня взгляда. Зак и Джиллиан переглянулись, они оба задумались.

– Не говорите так, словно меня тут нет, – сказала я. Мой голос было еле слышно.

– Зачем вы расстраиваете Сьюзен? – спросил Малколм. Он подошёл ко мне и взял меня за руку. – Она мой друг.

Стена исчезла. Я снова плакала, обнимая Малколма.

– Она что-то знает, – тихо сказал Джон. – Знает.

– Я понимаю, что у тебя сегодня плохой день, Джон, – примирительно сказала Джиллиан. – Но не надо вымещать это на Сьюзен.

– *Плохой день?! Я видел, как убивали моего отца! Когда он тебя спасал!*

Этим он словно пощёчину ей отвесил. Джиллиан никогда не забудет эти слова.

– Именно то, что я искал, – сказал Зак. Позади бара он нашёл связку ключей. – Хорошо, что они заперли дверь изнутри.

Он начал подбирать ключ к замку.

– Они заперлись не просто так, – предупредила его Джиллиан. – Осторожнее.

Ключ повернулся. Зак снял замок и распутал цепь, удерживавшую двери. Он снова начал подбирать ключи, теперь уже к замку в дверях. Третий ключ подошёл.

Джон, Джиллиан, и я стояли треугольником, каждый из нас смотрел на двух других. До Холода мы были друзьями.

– Джон прав, – сказала я. – Я не отсюда. Я не шпионка и не принцесса, но я не отсюда.

Зак открыл дверь. За ней выше его головы стояла белая стена, над которой пробивалось немного дневного света.

– Поверьте мне, Джон, Джиллиан. Пожалуйста.

Зак ударил по снежной стене цепью. Стена была как железная.

Впервые за последние часы я почувствовала спокойствие. Я почувствовала присутствие дедушки, не в голове, а где-то недалеко от нас.

– Эта чёртова стена не поддаётся, – сказал Зак, пиная стену ногой.

– Дай, я попробую, – сказала я.

Я взяла за руку Малколма и пошла к выходу. При моём приближении снег таял и отступал, словно открывались двери.

Зак присвистнул. Джон хотел что-то сказать, но Джиллиан на него шикнула.

Я не знала, почему ледяное сознание пропускало меня. Но я знала, что оно пропустит. Дедушка не позволил бы Холоду причинить мне вред.

Мы снова оказались на улице, на Тоттерс Лэйн.

– Это тут твой дедушка живёт? – спросил Зак.

– Да, на свалке, – сказала я.

– А что там происходит?

Я посмотрела. Снежный нанос, который мы обошли, был преградой для ветра, из-за него на Тоттерс Лэйн метель должна была быть слабее, чем на Хай Стрит. В реальности же там был снежный торнадо, воронка которого указывала на свалку Формана. Вдоль тротуаров по стойке смирно стояли холодные рыцари.

– Похоже, мы явились туда, куда надо, – сказал Зак. – Что бы ни происходило, оно начинается отсюда.

– Осторожнее, – сказал Джон. – Берегись её.

Позже...

Я подвела их к Будке.

– Не думаю, что звонок легавым нам сильно поможет, Сьюз, – сказал Зак.

Из двери во двор выходил пучок кабелей. Во дворе был грот из живого льда, из прозрачных ветвей, похожих на листья пальмы или щупальца анемон; белые, бирюзовые, голубые.

Дедушка, одетый в меха, как татарский хан, сидел на раскладном стуле возле странного аппарата. Это была сложная машина из примотанных друг к другу найденных на свалке деталей, основанием которой служил ярмарочный орган. Многие детали были выдраны из выброшенных холодильников, которыми так любили пугать в школьных кинолентах, посвящённых технике безопасности. Как и все дедушкины «изобретения», эта машина состояла из деталей, удерживаемых вместе верёвочками и скотчем, без единой мысли о том, как это выглядит. Орган был украшен херувимами, из-под старой краски на них проглядывала синяя грунтовка, пухлые ручки и ножки были увешаны сосульками. Как правило, его изобретения работали, и это было самое лучшее, что можно было о них сказать. Конкретно эта машина явно что-то делала: она создавала светящийся синим шар, в который упирался хвост торнадо.

– Это твой дедушка? – спросила Джиллиан.

Я кивнула.

Дедушка что-то напевал себе под нос, нажимал кнопки, двигал рычаги, сверялся с приборами.

– Что он делает? – спросил Джон.

Хороший вопрос.

Позже...

– Всё очень просто, детка, – сказал дедушка. – Этот Холод был тут первый. Он проснулся после долгого сна и обнаружил, что его родная планета занята какими-то выскочками. Не удивительно, что он тут же взялся действовать. Жизнь принимает разные формы; в данном случае она активна во льду, но спит в воде. Поразительно. Уникально. Я ещё не определил, полностью ли его анимус заключён в H_2O , или же это бестелесная энергия, которая может придавать замёрзшей воде форму. Много тысяч лет назад, во время первого Великого Ледникового Периода, Холод был доминирующей формой жизни на Земле. Один из первых экспериментов Эволюции с разумом. И в высшей степени успешный, смею заметить. С ним у меня была самая интересная дискуссия с тех пор, как мы застряли в этом болоте.

– Холодные рыцари не из космоса? – спросил Джон.

– Боже мой, нет. С чего вы взяли?

– И не из России?

– Оно наверняка было в спячке в Сибири. Возможно, его разбудили те советские эксперименты по заморозке. Связанные с заморозкой их космонавтов на время долгих космических путешествий. Или же с хранением населения под землёй после ядерной войны до тех пор, пока страна снова не станет обитаемой. В чём был смысл проекта «Новосибирск», не совсем понятно. И то глубокое бурение на Аляске тоже могло разбудить спавшего. А может быть, Холод

просто когда-то предвидел наступление тепла, того явления, которое позволило развиваться разумным млекопитающим, и поставил, так сказать, геологический будильник. Как бы там ни было, Холод вернулся, он разминает свой ум и хочет снова жить тут. Его можно понять.

– «Его», – сказала я. – Не «их».

– Ты права, Сьюзен. Правильно подметила. В его теперешней форме анимус Холода, его суть, его мозг и глаза, ещё не повсюду, а только там, где движется лёд. Ему приходится концентрироваться, чтобы предпринимать какие-то действия, и ему для развития нужны правильные условия. Если предоставить ему свободу действий, он объединит всё. Весь лёд во всём мире станет его мозгом и телом. Вот тогда будет на что посмотреть.

– Это означает, что он станет сильнее? – спросила я.

– Если всё пойдёт без проблем. Если я внесу коррективы.

– Вы *помогаете* холодным рыцарям? – сказала Джиллиан.

Дедушка не сразу расслышал вопрос Джиллиан. Людей, которые пришли со мной, он не то чтобы игнорировал, а просто относился к ним как к бродячим собакам или к предметам мебели. Только когда они обращались непосредственно к нему, ему приходилось признавать, что они представляют собой разумные формы жизни.

– Не совсем, детка, – сказал он, держась руками за пушистые отвороты пальто. – Я всего лишь делаю всё возможное, чтобы не помешать ему. Моя пространственно-временная машина, боюсь, не совсем исправна, и это влияет

на естественный процесс охлаждения. Расходуется огромное количество энергии, и мы непреднамеренно мешаем, ослабляем Холод. Этот мой приборчик – всего лишь демпфер, отводящий излишки измерений. Мы руководствуемся принципом невмешательства в дела туземного населения, и с нашей стороны было бы неправильно становиться на чью-либо сторону. Это первое, чему нас учат: *не вмешиваться*. У этого существа явно большое преимущество права первого. Если же вы и оно сможете договориться о совместном проживании, то так будет лучше для всех. Если же нет, то не думаю, что Земле вас будет сильно не хватать. Это может показаться грубым, но если вы хорошо подумаете, то поймёте, что это отнюдь не беспочвенный аргумент.

– Вы чужие, – сказал Джон, обвиняя дедушку, но глядя при этом на меня.

– Хм, что, чужие? Нет... никто не бывает чужим. Есть только жизнь.

– Это правда, – сказал Джон. – Инопланетяне из летающих тарелок живут среди нас, подрывают наше общество.

Дедушка фыркнул:

– Я не из летающей тарелки! Что это ещё за глупости? Так вы ещё договоритесь до летающих чашек и ползающих перечниц, а затем у вас вся посуда оживёт. Способность человеческой расы верить во всякую чушь – одна из её наименее приятных черт.

– Что-то я совсем запутался, – сказал Зак. – Летающие тарелки?

– Дедушка, – сказала я, – ты должен помочь этим людям.

– Конечно, Сьюзен. Подожди, сначала я завершу с Холодом, и тогда подумаю.

– Тогда они уже умрут... вымрут!

– Да, вполне возможно. Но я в этом не виноват. Это нас не касается, Сьюзен. Ты же знаешь это не хуже меня. Мы не должны вмешиваться. Время должно идти своим чередом.

Я ощупала сознание дедушки. Его туманные пятна больше, чем мои. Многого не хватает. А приоритеты с возрастом становились всё сильнее. Может, он и был рецидивистом-нарушителем правил, но его привычки уже устоялись.

Я разозлилась. Это был не его характер. Таким его сделали.

– Это *не справедливо*, – сказала я. – Что эти люди сделали такого, чтобы заслужить вымирание?

Дедушка посмотрел на моих друзей, как на образцы.

– Ты про вот этих? Ничего такого, насколько мне известно. А вот что касается всей человеческой расы, то... посуди сама. Когда Холод был тут один, это была спокойная планета, посвящённая абстрактным мыслям, познанию и самовыражению. А с тех пор, как появились млекопитающие двуногие, тут сплошные ссоры, кровопролитие, и прочий тарарам. Для вселенной будет лучше, если наш морозный друг продолжит то, на чём когда-то остановился. Холод строил соборы из живого льда, он мог создавать скульптуры на уровне отдельных снежинок. Ты когда-нибудь видела что-нибудь столь же совершенное, как снежинка?

– Да, – сказала я и указала на Малколма.

Дедушка посмотрел на мальчика. Малколм попытался улыбнуться. У него не было передних зубов.

– Не сомневаюсь, он очень милый.

Он вернулся к своим приборам и переключателям.

– А теперь уходите все, – сказал он, – и не мешайте мне работать.

У меня в голове словно образовалась трещина, в которую хлынули воспоминания и боль. Главное правило о невмешательстве было зашито в меня так же, как и в дедушку. Это был и инстинкт, и имплантат, и традиция. Мы унаследовали поразительные таланты, возможности контролировать пространство и время, но приоритет нашей культуры – не пользоваться этими возможностями, за исключением некоторых тривиальных целей. Тот, кто не соглашается с этим, может обезуметь, или даже его разум будет стёрт.

Мы с дедушкой сбежали, нарушили все правила. Кроме одного. Мы не *вмешивались*. Мы наблюдали. Что бы мы ни делали, это ни на что не влияло.

Я схватилась за голову и согнулась пополам, прислоняясь к Будке.

– Что это с Сьюз? – спросил Зак.

– У неё иногда голова болит, – сказала Джиллиан. – Она иногда уходит в Сумеречную Зону.

– Она *пришла* из Сумеречной Зоны, – сказал Джон. – Вы что, не слушали? Она и этот старик. Они не отсюда. Они не такие, как мы. Они не люди. Вот почему лёд её пропустил,

вот почему он её не тронул. Холодные рыцари убивают нас, человеческих существ. А она не человек. Они не имеют ничего против *неё*.

Моя голова так разболелась, что я не могла говорить.

Джиллиан стояла и думала над тем, что сказал Джон, над тем, что она видела и слышала. Среди них она быстрее всех поняла, что происходит.

Стиснув зубы, я боролась с болью.

– Сэр, – сказала Джиллиан, обращаясь к дедушке, словно он был учителем. – Можно задать вопрос?

– Задавайте. Но я не обещаю, что мой ответ будет вам понятен.

– Вы бы смогли остановить холодных рыцарей, если бы захотели? Заставить их уйти?

– Не их, а его. Единственное число. Я же это ясно объяснил.

– Но вы смогли бы?

Дедушка на мгновение задумался.

– О да, думаю да. Это довольно просто. Если этот прибор включить наоборот, он сможет заземлить большую часть холодной силы. Усилить ненамеренное влияние моей пространственно-временной машины и откачать почти всю энергию Холода. Заставить его, так сказать, втянуть когти. Анимус тогда оказался бы локализован, возможно, даже заперт в единственной снежинке. Один кристаллик льда оказался бы по своей конфигурации достаточно сложным, чтобы стать для него временным вместилищем.

Джиллиан схватила меня, а затем взялась руками за мою голову. Она была так близко, что могла чувствовать биение моих сердец.

– Тогда делайте это, а не то я оторву Сьюзен голову!

Внезапно мои мысли прояснились.

Все смотрели на меня и Джиллиан. Она крепко схватила мою голову за уши. Она сильная. Голову мне она бы вряд ли смогла оторвать, но сломать шею могла.

Взгляд у неё был страшный. Я верила, что она сможет выполнить своё обещание.

Дедушка посмотрел на неё сверху вниз.

– А зачем вам это делать, девочка? Просто из вредности? Это лишний раз подтверждает то, что я говорил о вашем виде. Вы варвары-убийцы, по большей части.

– Сьюзен моя подруга, – сказала Джиллиан. – Но она не такая как я. Вы не такой как я. Если вы нам не поможете, то не останется никого, такого как я. Никого, такого как Джон, Зак, или Малколм.

Я увидела несколько возможных будущих, расходящихся из этой точки. В большинстве из них я была мертва.

– Она это не серьёзно, – сказал Зак.

– Тебе-то откуда знать, Флэш?! – сказала Джиллиан.

– Это всё неправильно, просто возмутительно, – сказал дедушка.

– Убейте его, – приказала Джиллиан. – Прикончите холодного рыцаря.

– Не думаю, что я могу это сделать. Вы не можете требовать от меня принятия решения о том, который из двух

абсолютно разных, но по сути эквивалентных земных видов должен выжить. Угроза убийством едва ли убедит меня в том, что человеческая раса – более достойный кандидат.

– Тогда усыпите его, выключите.

Дедушка задумался.

Джиллиан повернула мою голову, выворачивая шею.

– Нет, – наконец, сказал дедушка. – Нельзя вмешиваться.

В его сознании опустились заслонки. Я могла следить за ходом его мыслей. Я была единственным существом во вселенной, к которому у него было что-то наподобие привязанности (*человеческой* привязанности!), но закон о невмешательстве имел более высокий приоритет, чем чувства. Его (наше?) воспитание было настолько сильным, что даже мысли о совершении преступления вызывали наказание – создавали туманные пятна, скрывающие воспоминания, отрезающие целые аспекты личности.

Я всегда боялась *Дома*. Теперь, на пороге смерти, я научилась ненавидеть *Дом*. Не за то, что случится со мной, или даже с Землёй, а за то, что они сделали с дедушкой.

– Вам что, даже не жалко? – спросила Джиллиан. – Если не нас, то хотя бы Сьюзен?

– Всё совсем не так. Вам этого не понять.

Джиллиан отпустила мою голову.

– Я рада, что мне этого понять, – сказала она. – Вы чудовище. Вы хуже тех фанатиков, которые хотели принести в жертву Малколма. Вы хуже чем... чем мой отец. Вы бы лучше позволили своей внучке умереть, чем щёлкнули бы

переключателем. Вы хуже, чем кто-либо в истории. У вас что, совсем чувств нет?

Джиллиан плакала. У меня всё ещё болела шея, но я попыталась её утешить.

Впервые за всё это время дедушка был сбит с толку. Уверенность в его сознании рушилась. Я знала, что у него есть чувства. Раз они есть у меня – а у меня они точно есть, меня иногда чуть с ума не сводят противоречивые эмоции, бурлящие во мне каждую минуту – значит, они есть и у него. Мы не человеки, но мы люди.

– Ты нарушил все правила, дедушка, – сказала я. – И ты был прав, нарушая их. Нарушь и это, последнее. Ничто не остаётся неизменным навеки, разве что *Дом*, но он не совсем часть этой вселенной. Земля изменилась со времён Великого Оледенения. Она не подходит Холоду. Ему будет лучше в другом месте, в более благоприятном климате. Есть планеты холоднее.

Дедушка задумался, а затем сказал:

– Плутон.

– На Плутоне есть лёд, – сказал Джон.

– И больше почти ничего, мальчик мой. А ещё азотный лёд. По сравнению с ним водяной лёд только притворяется холодным.

– Если бы ты помог Холоду эмигрировать на Плутон, – сказала я, – все бы остались довольны.

– Но это не было бы естественно. Это было бы *вмешательство*.

– А ты разве никогда не хотел вмешаться? Мы наблюдаем за столькими вещами. А могли бы их и изменять. В лучшую сторону.

– И если мы пойдём по этому пути, то до чего мы, по-твоему, дойдём?

– Мы станем частью всего, а не сторонними наблюдателями.

– Вот именно. Это было бы ужасно, хм?

– Мистер, – сказал Малколм, – пожалуйста...

Дедушка заметил мальчика. Малколм протягивал ему Ковбоя Гонка.

– Пожалуйста, заставьте снеговиков уйти. Можете взять моего гонка. Это мой любимый.

Дедушка взял игрушку в руки и осмотрел её.

– Его зовут Ковбой Гонк, – сказал Малколм.

– Разве на Земле есть такие формы жизни? – спросил дедушка. – Руки торчат там, где должны быть уши. Где в таком черепе может находиться пищеварительная система, как думаете? Такие ноги не удержали бы вес такой головы. Нет, это абсолютно не практично. Оно бы не выжило.

– Это игрушка, дедушка, – сказала я. – Она не должна быть практичной.

Гонк странным образом поразил его. Сильнее, чем угрозы Джиллиан убить меня, гонк достучался до него.

– Это проявление воображения, – сказал он. – Необычно.

– Уникально, – настаивала я. – Для них, для человечества.

Он улыбнулся, показав свои кривые зубы. В его сознании обрушилась стена.

– Будет очень жаль утратить это качество. Очень жаль. Без него вселенная станет более серой, скучной. Как минимум, человеческая раса заслуживает дальнейшего изучения. Я посмотрю, что можно сделать.

Позже...

– Хм, похоже, есть проблема, – сказал дедушка.

Он общался с шепчущим льдом.

– Холод очень благодарен за наше предложение, он весьма признателен за предложение альтернативного места жительства, но в целом предпочитает продолжить действовать по изначальному плану.

– Уничтожать человеческую расу?

– Да, детка. Весьма прискорбно.

Дедушка пожал плечами, мол, я сделал всё, что мог, и переключил несколько рычагов.

– Тогда измените полярность, или что там нужно сделать, – сказал Джон. – Заставьте холодных рыцарей делать то, что вы хотите.

– Джон Брент, не так ли? – сказал дедушка, всматриваясь в мальчика. – С этим именем, возможно, придётся считаться. В некоторых из будущих.

– Да. Я Джон Брент.

– И вы в одной школе со Сьюзен. Интересно. Учитывая склонности вашего ума, вы должны понимать, что предлагаемый вами способ действия не так прост, как хотелось бы.

– Сьюзен сказала, что вы можете выпроводить Холод.

Дедушка посмотрел на меня, пытаясь изобразить неудовольствие:

– Она так сказала? Похоже, у детки очень большая вера в её престарелого родственника. Не хотелось бы её разочаровывать.

Всё это время он что-то делал на клавиатуре своей машины, как будто бы небрежно, но на самом деле изменял ключевые настройки.

– А теперь, – сказал он громко, обращаясь к Холоду, – думаю, вам нужно сконцентрироваться.

Во льду раздался треск, недовольное ворчание. Дедушка надел очки со светофильтрами и отрегулировал несколько линз.

– И эта куча связанного мусора должна нас всех спасти? – недоверчиво спросила Джиллиан.

– «Куча мусора»? Надо же! Вы что, меня за старьёвщика принимаете? Это исключительно сложный прибор. Но он всего лишь машина. Она действует лишь в этой плоскости. Она может выполнять определённые заранее указанные задачи. Вот и всё. Но (и это очень важно – Джон, слушай внимательно, тебе это должно быть интересно), эта машина не обязана существовать лишь в этой плоскости. У неё многомерная масса. Что вы на это скажете, а?

Он взялся за лацканы сюртука с таким видом, словно ждал аплодисментов. Никто не аплодировал.

– Вы разве не понимаете? Протягивая её в другие плоскости, мы можем обернуть Холод. Классическая стратегия из репертуара Великого Хана. Он, разумеется, пользовался окружением – двухмерной тактикой. А то, что попробуем мы, будет правильнее называть осферением.

Используя некоторые элементы моей пространственно-временной машины, я могу схватить Холод в считанные секунды. Но для завершения этого устройства мне нужно ещё кое-что.

– Что? – спросила я.

– Твой друг, который так любезно предложил своего гонка. Малколм, можешь подойти сюда?

Его улыбка пугала. Малколм не решался. Насколько я понимаю, вид дедушки может быть довольно страшным, когда он не пытается его смягчить. Малколм решился и подошёл к дедушке.

– Возьми, пожалуйста, вот эти штуки, – дедушка дал Малколму что-то, похожее на две металлические ручки от скакалок, к которым от машины шли кабели. – А теперь, Малколм... загадай желание.

Малколм закрыл глаза.

Какое-то время было тихо, а затем метель начала утихать.

– Откуда-то должна исходить мотивирующая сила, – поучал дедушка. – В данном случае её источником является наш друг Малколм. Я не удивлюсь, если он в рубашке родился. У него есть способности, которые большинство из вас, людей, теряют, когда взрослеют. Благодаря этим очкам я вижу, как их остатки мерцают вокруг Джона, Джиллиан, и Зака. Но вокруг Малколма сияет целый пузырь. Фокус этих способностей не в мозге, а в сердце. Сюзен, в единственном сердце есть свои преимущества. Одна из причин, почему нас отучают от чувств, в том, что древние были правы, считая,

что эмоции исходят от сердца. Ты уже узнала, как проблематично бывает иметь два или больше чувств, дерущихся внутри тебя за то, чтобы им уделили внимание. Энергия расходуется. А в данном случае мы пытаемся добиться концентрации.

Из труб органа донёсся громкий аккорд.

Малколм раскрыл глаза и отпустил ручки.

– Уже всё? – спросил он.

Дедушка погладил его по голове и посмотрел на нас, ожидая одобрения.

И тогда начался катаклизм.

Весь лёд во дворе свалки Формана взорвался на блестящие осколки, которые полетели в нас. Я прикрыла голову руками.

– Продолжай желать, – велел дедушка, снова вручая Малколму ручки.

Смертоносный град прекратился, снова превратившись в лёд. Затем снова раздались взрывы. И снова прекратились, и снова взорвались.

По словам дедушки, Холод был заперт *внутри секунд*. Кусочек времени, который повторялся снова и снова. Во время пятого или шестого повтора льдинки меня поцарапали.

Холод сопротивлялся дедушкиному осферению.

– Вы трое, человеческие дети, идите сюда, – велел дедушка. – Кто из вас умеет играть на органе?

Джон и Джиллиан ошеломлённо переглянулись.

Весь лёд во дворе свалки Формана взорвался на блестящие осколки, которые полетели в нас. Я прикрыла голову руками.

– Я когда-то играл в скиффл-группе, – сказал Зак.

– Превосходно, превосходно. Берите на себя верхний регистр. Это вот эта клавиатура. Сыграйте что-нибудь повторяющееся, что-то вроде «Болеро» Равеля...

– Я такого не знаю.

– Морис Равель это французский композитор, – раздражённым голосом сказал Джон. – «Болеро» – его самое знаменитое произведение.

– Ты умеешь играть его на пианино?

Джон покачал головой.

– Тогда репертуар буду определять я, Марсианин.

Весь лёд во дворе свалки Формана взорвался на блестящие осколки, которые полетели в нас.

Я почувствовала начало смертельного ранения, но оно тут же прекратилось.

– Хватит пререкаться, – сказал дедушка. – Годится любая простая повторяющаяся мелодия, Зак.

Зак отодвинул Малколма в сторону, и начал играть басовый ритм.

– Так, а теперь вы двое, посмотрим, чем вы сможете помочь, – дедушка взял руки Джона и Джиллиан и положил их поверх сжатых кулачков Малколма.

– Думайте о тёплых летних днях, – сказал он им. – О тропических пляжах, тепловых ударах, горящих зданиях, поверхности Меркурия, о ядре Солнца. Не просто думайте,

представляйте! Ваше сияние ещё не совсем пропало, хотя оно и в печальном состоянии.

Весь лёд во дворе свалки Формана взорвался на блестящие осколки, которые полетели в нас.

Было такое чувство, что меня прострелили насквозь холодной шрапнелью. А затем всё прекратилось.

Я увидела то, что очки помогли дедушке увидеть в Малколме: что-то вроде золотого свечения у него в груди; оно, пульсируя, расходилось по всему его телу, освещало изнутри его кожу, вырывалось наружу через глаза, ноздри, и рот. С Джоном и Джиллиан было то же самое, но слабее.

Машина тряслась и гудела паровым клапаном.

Зак к простому басовому ритму начал добавлять небольшие импровизации.

– Сьюзен, мне нужно, чтобы ты сделала кое-что очень важное, – сказал дедушка. Он переключал тумблеры, двигал рычагами. – У меня обе руки заняты.

– Да, дедушка.

– Поставь, пожалуйста, чайник.

Весь лёд во дворе свалки Формана взорвался...

И сложился, сжимаясь похожей на огромную ракушку сверкающей спиралью, свернулся, засасывая отовсюду капельки.

Замёрзшие брызги грязи и крови слетели с моих щёк. На каждом квадратном сантиметре моей кожи было такое ощущение, словно грубо выщипывают брови.

Что-то загорелось внутри аппарата. Между его трубами посыпались золотистые искры. Глаза херувимов вспыхнули и заслезились жидким металлом.

Весь лёд...

треснул, сопротивляясь машине дедушки, но не мог пересилить засасывание воронки. Холодные рыцари, заглянув в ворота свалки, задрожали и рассыпались на безжизненные снежинки. Снежный торнадо спиралью погрузился в нечто размером со стаканчик мороженого, засасывая в себя всё больше и больше ледяных осколков.

Сквозь тучи пробилось солнце. Вечер ещё не наступил.

Машина взорвалась с бирюзовой вспышкой. Зака отбросило от клавиш. Джон, Джиллиан, и Малколм прижались к земле, уворачиваясь от обломков механизма.

Посреди всего этого стоял довольный дедушка.

Позже...

По всему двору текла вода. Начиналась оттепель.

– Ну вот, – сказал дедушка, держа в руках ромбическую льдинку. – Холод здесь. Он сжал свой анимус. Он растягивал себя, пытался сразу заселить весь лёд на планете. За месяц это ему, может быть, и удалось бы... но ему не терпелось. Весь его разум здесь. Красивая штука, правда?

– А теперь вы сделаете ракету? – спросил Джон. – Чтобы отправить его на Плутон?

– Что? Нет, конечно нет. Как такое могло вообще голову прийти? Я просто схожу ненадолго вовнутрь. И сразу вернусь.

Он зашёл в Будку.

– Я по-прежнему считаю, что вызов полиции не поможет, – сказал Зак.

Будка немного сместилась. Она дематериализовалась и материализовалась снова, даже не исчезнув, а лишь задрожав. Между двумя этими моментами дедушка побывал в далёком будущем на Плутоне. Он утверждал, что в этом путешествии не было ничего интересного, но я затем проверила судовой журнал и увидела, что он попал туда лишь с пятой попытки, прыгая по всей Солнечной системе и по разным векам, и больше дюжины попыток у него ушло на то, чтобы вернуться на свалку Формана в мгновение после своего отправления.

Дедушка вышел.

– Что это был за звук? – спросил Джон.

– Слишком долго объяснять, юноша. Холод теперь на Плутоне. Думаю, что он образумился и будет чудесно жить в новой обстановке. Там у него нет достойных внимания конкурентов. А ваш вид может продолжать заниматься тем, что у него получается лучше всего – ссориться и шуметь.

– Выпускать рок-музыку, рисовать закаты, и производить гонков.

Он признал ошибку:

– Да, Сьюзен, ты права. У меня странное чувство, я не знаю, как его описать... удовлетворение? Почему мне никогда раньше не приходило в голову *вмешаться*? Я, возможно, впервые чувствую себя свободным *от них*. Ведь для вмешательства могут быть вполне веские причины. Надо будет с ним ещё поэкспериментировать. Огромное множество вещей в пространстве и времени могут улучшиться от небольшого незаметного толчка в нужную сторону. Средневековье, к примеру.

– Дедушка, – заворчала я.

– Думаешь, это слишком, Сьюзен? Пожалуй, ты права.

Вторник, 3 апреля, 1963 г.

Сегодня занятий в школе нет. И не будет до конца недели. А потом будут праздники. Но после Пасхи всё вернётся в обычное русло.

Всё ещё холодно, но светит солнце.

Я проверила нескольких снеговиков. В них не осталось разума.

Снова появилось электричество, и газ, и вода, и телевидение. Много людей погибло во время «похолодания», но никто не упоминает холодных рыцарей. Мы с дедушкой не единственные люди на этой планете, кто помнит не всё.

Дедушка, правда, многое вспоминает. Нарушив правило о невмешательстве, он словно разогнал клочья тумана у себя в голове. Я расстроена, что это не подействовало таким же образом на меня.

Думаю, я никогда и не *верила* в это правило. Это было просто что-то, что записали в мой мозг вместе с множеством другого, от чего я избавлялась на Земле. Дедушка оставался в Будке, но мне, поколебавшись, разрешил ходить в школу. Наверное, у него была на это причина.

Думаю, он использовал меня для того, чтобы испытать человеческую расу, отправлял меня к ним, чтобы я приняла за него решение, обдумала проблему, с которой он сам из-за своего возраста справиться уже не мог. Если так, то это почти получилось.

Были Джиллиан, Джон, Зак, и Малколм. Был папа Джона, отдавший свою жизнь за девочку, которая, если бы он подумал, вряд ли бы ему понравилась. Была Долли, чувствовавшая себя ответственной за мальчика, который случайно забрёл в кафе во время её смены. Был Малколм, предложивший своё самое ценное за то, чего даже не понимал. И были «Love Me Do», Альберт Финни с духовым ружьём, «Волшебная флейта», мороженное Лайонса, вокзал Сент-Панкрас, «Полчаса с Хэнкоком».

Но были и Ф. М., мистер Каркер, супруги Хей. Не говоря уже о нацистах, атомных ракетах, и двойном уроке географии.

Я могла прийти и к другому выводу.

Если бы Джиллиан не заговорила со мной в мой первый день в школе Коул Хилл, я могла бы оказаться рядом с дедушкой, наблюдать за тем, как холодные рыцари возвращают себе планету, избавляясь от паразитов.

Среда, 4 апреля, 1963 г.

Я встретила с Джоном в забегаловке Лайонса (*не* в «Вимпи-баре») и мы заказали чай с пирогом. Очень повзрослому.

Хотя Холод и был изгнан на Плутон, во время его попытки вернуть своё господство над планетой очень многое было утеряно безвозвратно. В конечном итоге понадобилось лишь щёлкнуть на дедушкиной машине несколькими переключателями, и холодные рыцари растаяли, но я до сих пор не чувствую, что мы победили. Отец Джона, мистер Оукхёрст, и многие другие по-прежнему мертвы, а такие люди как мистер Каркер и Хейи по-прежнему живы, по-прежнему утверждают, что они делали всё правильно.

В глубине души Джон предпочёл бы, чтобы дедушка убил Холод, как тот убил его отца и многих других. Его эмиграция на Плутон была ловким решением проблемы, без геноцида, но она не удовлетворила его человеческой потребности в... справедливости? В мести? Это не лучшая черта, я знаю. Но я понимаю, чем она привлекает.

Дедушка возился с машиной, обнаружил проблему, придумал, как её исправить. А я – нет. Я видела, как людей ранили и убивали лишь зато, что они попались под руку. Дедушка надменно говорит, что Холод не может ни злиться, ни быть жестоким. Он очищал свой дом от людей точно так же, как кто-нибудь вычищает из аквариума водоросли, или принимает лекарство, чтобы уничтожить колонию микробов.

Но на игровой площадке в школе, на улицах, в «Вимпи-баре», на вокзале я чувствовала совсем другое. Холодным рыцарям, казалось, нравилось их задание: расставлять капканы, набрасываться из-за спины, превращать это в *игру*.

Если я и довольна тем, что дедушка не убил Холод, то лишь потому, что не хотела бы, чтобы он жил с чувством вины, а я знаю, что он бы чувствовал вину, если бы уничтожил разумную форму жизни. Я определённо не хотела бы отправиться в гости на Плутон, чтобы узнать как там «приятель Холод» обживается на новом доме.

Очень важно то, что у меня больше нет секрета.

Мои друзья знают, что я не с этой планеты. Единственный из них, кто не изменил своего отношения ко мне – Малколм, но от него у меня ведь секретов и не было. Больше я не присматриваю за ним по субботам. К ним приехала его тётя Джуни, и я осталась без подработки на выходных. Мне её не хватает, и не только из-за пяти шиллингов. Я по-прежнему довольно часто встречаю Малколма на Хай Стрит и рядом, с его мамой или с тётей Джуни. При встрече он всегда широко улыбается и лезет обниматься. У него теперь есть новый гонк – Космонавт Гонк, но Ковбой Гонк всё равно его любимый, несмотря на шрам-шов на его глазе. Его маме не нравится, что он «придумывает» обо мне сказки, но меня это не расстраивает. Кто знает, его выдумки могут оказаться и правдой – а вдруг он впитал воспоминания из моей головы. Но мне нужно быть с ним осторожнее.

Другие дети, пускай уже и взрослые, как Зак, понимают, что нужно помалкивать обо всём этом. Но маленькие не такие. Они не знают, что от взрослых нужно что-то скрывать. После того как дедушка нарушил правило о невмешательстве, у него появилась лёгкая паранойя на предмет того, что взрослые узнают о том, что мы не люди. Он говорит, что *Школьный Надзиратель* направит своих агентов заниматься нашим делом, и они будут обращать внимание на любые слухи. Он особенно опасается учителей в Коул Хилл, из-за своей странной идеи о том, что преподаватели – умнейшие и опаснейшие умы на этой планете. Я же уже писала о том, что он ни разу не ходил на родительские собрания?

Я не вижусь с Джиллиан.

Джон говорит, что Джиллиан теперь Зак нравится. Это потому, что у того есть мотоцикл. Джон говорит, что ему всё равно, но это неправда.

Раньше я ему нравилась, до тех пор, пока он не узнал, что у меня два сердца. (Будка лучше любого мотоцикла, даже «Нортон», но эта тема вряд ли будет затронута.) Не то чтобы я больше не нравилась Джону, просто он теперь знает обо мне слишком много. Мекон никому не нравится. Даже Марсианину.

Когда было холодно, Джон сказал такое, что я бы предпочла обернуть в голове туманом, но оно упрямо не пропадает. Я понимаю, какой шок он испытал из-за смерти своего отца, но то, что он мог подумать, что я приложила к этому руку, делает наше с ним общение неловким. Странно

это: Джиллиан меня чуть не убила, но меня сильнее обидело то, что Джон назвал меня шпионкой.

В следующем году, когда ей исполнится шестнадцать, Джиллиан собирается уйти из дома и обручиться с Заком. И школу она хочет бросить и найти работу в магазине. Хотя Зак, быть может, и является тайным читателем Энида Блайтона, он всё ещё член «Ребят Сверх-тонников» и может о себе позаботиться. После того, как в его волосах появилась выбритая молния, его вид стал ещё более устрашающим. Думаю, после знакомства с ним отец Джиллиан подумает дважды, прежде чем снова пороть её.

Джиллиан *не смогла* убить меня, даже ради спасения мира. Значит, её отец не научил её быть такой, как он. Надеюсь, у них с Заком всё сложится, но я знаю, что в будущем они будут держаться от меня подальше.

Они становятся взрослыми и хотят сделать вид, что кое-чего никогда не было. Просто каждый раз, когда они меня видят, я им напоминаю о том, что вселенная не такая, как об этом рассказывают в газетах и по телевизору. Чтобы жить дальше, им нужно верить в то, что говорят все, иначе они станут изгоями тут, где они вынуждены оставаться, как это было с дедушкой там, *Дома*.

Джон не такой. У него полно вопросов о нас, но ответы у меня в голове по-прежнему есть не все.

Я не могу назвать планету, откуда я родом, если это вообще планета — может быть, это просто другая реальность. Я не знаю имя своего дедушки. И «Сьюзен Форман» — лишь

псевдоним, во всяком случае, «Форман»; это было написано на воротах свалки, на которой материализовалась Будка.

Что касается Будки, то я могу объяснить лежащую в её основе физику, но не в тех терминах, которые могут быть понятны Джону, даже если он поступит в Кембридж и получит Нобелевскую премию. Что, как мне сказали, весьма вероятно.

Больше всего меня расстраивает то, что Джон меня боится. Как будто бы из моих глаз могут лучи смерти стрелять.

Я не знаю, может быть, и могут. Или смогут потом, когда я вырасту.

– Я ухожу из Коул Хилл, – сказал Джон. – Буду жить с мамой в Нортумберленде. После того, что случилось с папой, мне не нужно будет ходить на СПОР. У тебя есть родители?

– Я не знаю.

– Вы что, просто в банках вырастаете, или что-то в таком духе? Как в «Прекрасном новом мире»?

– Я не знаю.

– Это странно, Сьюзен.

Я пожала плечами.

– Я хочу сказать, что даже для... ну, для той, кем ты есть... ты странная.

– Неземная?

Он отвернулся.

– Ты останешься тут? – спросил он.

– На какое-то время. Это зависит от дедушки. И от Будки. Она сейчас не в лучшей форме. То, что дедушка

сделал с холодными рыцарями, было не так просто, как он это изображал. Ему пришлось проигнорировать технику безопасности.

– Я так и не понял, как Будка может быть космическим кораблём.

– Это не космический корабль. Она перемещается во времени и относительных измерениях.

– В пространстве?

– Ну, да.

– И вы можете отправиться куда угодно в любой момент?

– Обычно, да. Нить накала перегорела. Замену ей найти сложно. Это не значит, что мы тут навсегда. Просто мы можем не всё, что раньше.

– И теперь ваш народ будет вас искать?

– Дедушка боится, что будет.

Мне кажется, что однажды мне удалось вспомнить лицо *Школьного Надзирателя*, но сейчас оно забылось. Остался лишь образ улыбки, самодовольной, умной. Ухмылки Грозного Грейнджа на нечётком лице Сатаны.

– Вы преступники?

– Скорее, политические беженцы. Но это не значит, что они не смогут вернуть нас обратно и судить дедушку. Особенно теперь. То, что он сделал – слетал на Плутон и всё остальное – поднимет тревогу *Дома*. Они *узнают*. Когда вмешиваешься в историю, это словно трясёт паутину. Занимающийся нашим делом офицер станет действовать ещё более решительно. Они могут отобрать у нас наши воспоминания. Не только из наших мозгов, но и из ваших. У

всех. Думаю, они это уже делали. Хотя никто, конечно, этого не помнит.

– Похоже, они ужасные.

– В общем-то, нет. Просто старые... консервативные.

– Не «в теме»?

– Типа того.

Джон посмотрел на свои часы:

– Мне пора идти. Мы с мамой встречаемся на вокзале.

Мы попрощались. Джон ушёл.

Позже...

Снова в Будке, с дедушкой.

Он сердится. Летая на Плутон, он сломал что-то важное. Дедушка ещё не проверял, но ему кажется, что Будка не сможет отправиться по заданному курсу.

– Она полетит куда захочет, куда ей заблагорассудится, – ворчит он.

Думаю, правило в голове дедушки нарушено. Он тоже не отправится туда, куда ему говорят.

– Как обычно, – сказала я.

– Ерунда, Сьюзен. Я быстро всё починю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Элементарно, моя дорогая Сьюзен.

Несмотря на то, что события происходили до того, как настоящий «Кто» начался, нет никаких сомнений в том, что то, что вы только что дочитали, является историей «Доктор Кто». В них есть что-то особенное, что-то, что делает «Доктор Кто» отдельным под-жанром. Что-то, не поддающееся анализу, как и сам «Холод». Только в «Доктор Кто» ходячие снеговики могут быть одновременно нелепыми и страшными. Только в «Доктор Кто» школьные наказания леденят душу так же сильно, как и инопланетная угроза. Только в «Доктор Кто» дедушка одноклассницы может жить на свалке в полицейской будке. Образы и фантазии наслаиваются уникальным образом.

«Время и Относительность», как и сериал, предысторией которого она является, имеет много уровней. Она даёт нам нечто новое, нечто понятное, если смотреть с точки зрения нашего времени.

Но она рассказана с точки зрения, передающей тот детский, подростковый восторг, с которым многие из нас познакомились с Доктором и его приключениями. Как и Сьюзен, мы знаем о других персонажах больше. Но нас тоже охватывают переживания, напряжение, страх и удивление происходящим. Это путь открытий для всех нас.

Хотя сам Доктор появляется редко, его присутствие постоянно чувствуется. Он всегда там, у него всё под контролем, на белых, как снег, страницах всегда лежит его тень. Этим, да и многим другим, эта книга напоминает о самых первых приключениях в «Доктор Кто».

Сам Доктор здесь похож на те первые, ещё не до конца определившиеся свои появления. Он – закадровая фигура, загадка даже для Сьюзен. Его мотивы сомнительны, его действия и привязанности непредсказуемы, он блуждает в клубящемся тумане. Но этот рассказ создаёт ощущение, что он впервые надевает плащ *Рыцаря Человечества*, той силы природы, которой он станет. Что туман начинает немного расходиться, позволяя ему иногда мельком увидеть то, чем он должен стать.

Доктор в контексте Вселенной, как и Сьюзен в контексте школы Коул Хилл, одиночка. Он бродит в вечности, и он всегда один, запутавшийся в собственной тяге к путешествиям, впадающий то в безграничный энтузиазм, то в апатичное оцепенение. Спутники приходят и уходят, но он никогда не бывает с ними близок. Он никогда не делится деталями своих внутренних переживаний; он никогда не позволяет эмоциям выйти наружу; он никогда не открывается, никак.

Единственное *настоящее* чувство, которое Доктор как-то проявляет, это его полное неприятие зла. Но даже это, как и его убеждение в святости жизни, вторично, когда обстоятельства вынуждают действовать исходя из некоторого высшего призвания, которое никогда не называется, Высшего

Блага, которое никогда не объясняется и, вполне возможно, необъяснимо. Призвания, с которым в повести Кима он ещё не разобрался.

В его самых успешных моментах, и здесь, в начале своих приключений, Доктор – тайна. Мы не знаем почти ничего о его чувствах и мотивах. Мы обнаруживаем, что знаем о его происхождении и прошлой жизни гораздо меньше, чем мы думали. Оказывается, даже наше доверие не неизменно.

Но с годами история Доктора и его душа раскрываются. Он становится более человечным.

И он становится более определённым, более понятным, он теряет свою загадочность и связанную с ней привлекательность. Современный Доктор рискует стать обычным героем, таким же, как и множество других. Возвращаясь к корням «Доктор Кто», Ким смог снова отобразить многое из того, что мы считали утерянным. Эта книга – поразительный пример того, как «меньше» может означать «больше».

В Докторе есть что-то стихийное. Особенно в этой книге, Доктор становится скорее силой, чем личностью. И не случайно «злодей» Кима тоже стихийная сила – наиболее уместный соперник.

Несправедливо описывать любую историю «Доктор Кто» как архетип. Но Ким дал нам нечто, что затрагивает столько всего, связанного с «Доктор Кто», и в то же время предлагает много нового. Книга глубока и тематична, хорошо написана и мастерски изложена. В тоже время, сюжет ведёт нас вперёд, затягивает нас, мы дрожим от страха.

Потому что в этом суть формата «Доктор Кто», именно это делает его популярным среди стольких людей. Суть его в том, что бы рассказывать самые интересные и интригующие истории как можно лучше.

В этом причина восхваления неисчерпаемости этого формата. Меня воодушевляет, что нас так много, признательных за то, что нас втянули в открываемые им бесконечные миры. И свидетельством могущества этого формата является то, что он может привлекать писателей такого калибра и таланта, как Ким Ньюман.

Джастин Ричардс,

BBC Book

консультант по «Доктор Кто»

август 2001 г.

Об авторе

Ким Ньюман – писатель, киновед и кинокритик, большой энтузиаст и знаток научно-фантастической литературы, и один из самых больших оригиналов в Британии. Он родился в 1959 году в Брикстоне, вырос в Сомерсете, получил высшее филологическое образование в Суссекском университете. В 1980 году он переехал в Лондон, где работал с труппой «Sheep Worrying» в качестве артиста кабаре.

Он опубликовал несколько успешных романов в издательстве «Simon & Schuster»: «Ночной мэр», «Дурные сны», «Яго», «Кворум», «Жизнь – лотерея», и его более ранние переработки мифологии Дракулы – «Anno Dracula», «Кроваво-красный барон» и «Дракула, ча, ча, ча», плюс коллекции рассказов – «Знаменитые чудовища», «Необыкновенный Доктор Тень», «Семь звёзд», и «Непростительные истории». Также он опубликовал сборник своих рассказов «Где закопаны тела...» одним томом, и регулярно пишет для различных антологий. Он автор нескольких книг по кинематографии и регулярный кинокритик в журналах «*Empire*» и «*Sight and Sound*».

«Anno Dracula» выиграл награду «Дети Ночи» за лучшую повесть от общества «Dracula Society» и награду за лучшую повесть от «Lord Ruthven Assembly». Также она была в финале претендентов на «Bram Stoker Award» и «World Fantasy Award». «Где закопаны тела...» выиграла «British Fantasy Award» в номинации «Лучший сборник». «Кворум»,

«Необыкновенный Доктор Тень» и *«Anno Dracula»*
предлагались в качестве основы сценариев кинофильмов.